

На правах рукописи

Тагарова Татьяна Бороевна

**ФРАЗЕОЛОГИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

- 1 АВГ 2013

Элиста – 2013

Работа выполнена на кафедре бурятской филологии факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Научный консультант: Шагдаров Лубсан Доржиевич
доктор филологических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
ведущий научный сотрудник Отдела языкознания

Официальные оппоненты: Трофимова Светлана Менкеновна
доктор филологических наук ФГБОУ ВПО
“Калмыцкий государственный университет”
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания

Санжина Дарима Дабаевна
доктор филологических наук
ФГБОУ ВПО “Бурятский государственный
университет”
профессор кафедры бурятского языка

Бурыкин Алексей Алексеевич
доктор филологических наук
Институт лингвистических исследований РАН
ведущий научный сотрудник Словарного отдела

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт востоковедения
Российской академии наук

Защита состоится «26» сентября 2013 года в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.305.01 при ФГБОУ ВПО «Калмыцкий госу-
дарственный университет» по адресу: 358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Пушкина, 11, корп. 1а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Калмыцкий государственный университет» (358011, Республика Калмы-
кия, г. Элиста, 5 мкр., студгородок).

Автореферат разослан « 05 » сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Бадмаев Б.В.

Общая характеристика работы

В рамках активно развивающейся антропологической лингвистической парадигмы фразеологический состав языка в настоящее время становится одним из центральных объектов исследования. Фразеология системно изучается в разнообразных аспектах с семантической, лингвокультурологической и других позиций.

Изучение фразеологических единиц, их применение в языке является важным средством повышения культуры речи. Фразеологизмы делают речь яркой, образной, стилистически разнообразной. Они выражают сущность довольно сложных явлений, национальный менталитет. Фразеологические единицы не только называют какие-либо предметы, явления и ситуации, но и обладают таким свойством, как эмоционально-экспрессивная оценочность.

Также ценным свойством фразеологических единиц (ФЕ) является экономичность в выражении мысли, связанная с их обобщенностью. Благодаря не только номинативным, но и коммуникативным функциям ФЕ широко употребляются в разных сферах жизнедеятельности общества, в разных языковых стилях.

Неповторимым свидетельством богатства, образности, национальной специфики любого языка является фразеология. Она – один из важнейших уровней семантической системы языка, образующийся как следствие метафорического переосмысления сочетаний лексических единиц в единицы более высокого порядка. На фразеологию накладываются отпечаток не только семантико-структурные особенности исходных словосочетаний, но и коллективный опыт народа, его психология, многовековая материальная и духовная культура. В связи с этим разработка как теоретических, так и практических проблем этой отрасли науки не теряет своей актуальности.

В предлагаемом диссертационном сочинении важнейшим является положение об антропологической природе ФЕ, характеризующих различные стороны познавательной деятельности людей, в том числе, качество, оценку этой деятельности и ее субъектов как представителей социокультуры.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью фразеологизмов в функционально-стилистическом аспекте. Они не рассмотрены в полной мере с точки зрения особенностей функционирования в бурятском языке, специфики их оценочности; не исследованы способы усиления выразительности, экспрессивность и эмотивность фразеологических единиц, фразеологические единицы не распределены по классификационным признакам с точки зрения принадлежности их к стилистическим пластам, не описаны их функции.

В связи с этим в работе подробно представляется понимание исследуемой проблематики отечественными и зарубежными учеными, описываются группы фразеологизмов, относящихся к трем основным функционально-стилистическим разрядам, черты категории оценочности; предлагается концептуальная классификация по критериям положительной и отрицательной оцен-

ки, анализируются способы ингерентной и адгерентной выразительности фразеологических единиц, их функции в бурятском литературном языке.

Объектом исследования является функционирование фразеологических единиц бурятского языка.

Предметом диссертационной работы стали фразеологические единицы как языковая составляющая стилистических средств бурятского языка.

Цель исследования – функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная дифференциация фразеологических единиц, выявление особенностей выражения категории оценочности и роли фразеологизмов в отражении универсалий и специфики языковой картины мира, выявление механизмов выражения субъективного отношения к фрагментам окружающей действительности.

Цель диссертационного сочинения предопределила постановку и решение следующих задач:

- представить полисодержательные позиции современной отечественной и зарубежной лингвистики в понимании, анализе и описании таких понятий, как: «стиль и стилистика», «коннотация», «эмотивность», «экспрессивность», «пейоративность» и т.д.;
- выявить стилистические ресурсы фразеологии бурятского языка;
- квалифицировать статус фразеологической единицы как прагмалингвистической категории;
- аргументировать тезис о взаимодействии категории оценочности с категориями эмоционально-экспрессивности во фразеологии бурятского языка;
- обозначить позицию пейоративной коннотации в дихотомии «позитивное / негативное» в бурятских фразеологизмах;
- провести анализ бурятских традиционных оценочных фразеологических единиц по различным классификациям и проиллюстрировать ценностность и значимость категории оценочности в выражении лингвокультурологических особенностей на фразеологическом материале исследуемого языка;
- рассмотреть бурятские фразеологические единицы по параметрам избранных классификаций и выявить их роль в отображении лингвистических и культурологических процессов в современном обществе, языке и речи.

Авторская картотека сформирована путем сплошной выборки ФЕ из художественных произведений, включая прозу, драматургию, поэзию, фольклор, а также из материалов газет. В картотеке представлено более 1600 бурятских ФЕ, обнаруженных в художественных, публицистических произведениях классических и современных авторов (XX – начало XXI вв.).

Методологической и теоретической основой исследования послужили положения, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых, таких, как: Б. А. Ларин (1974), В. Н. Телия (1996), В. И. Шаховский (2008) и др. – по категории эмотивности; Е. М. Вольф (1985), Н. Д. Арутюнова (1988) и др. – по категории оценочности; В. И. Карасик (2001), С. В. Лескина (2010) и др. – по пейоративности; И. И. Туранский (1990), В. И. Телия и др. – по категории экспрессивности; В. А. Маслова (2001), С. Г. Воркачев

(2001), Г. Г. Слышкин (2008), С. В. Лескина (2010), Попова З.Д. и др. – по лингвокультурологии; С. А. Хахалова (1998), А. П. Чудинов (2001) – по проблемам метафоризации языка; В. В. Виноградов (1977), А. В. Кунин (1986), В. М. Мокиенко (1996), В. Н. Телия (1996), В. И. Зимин (2003), Н. Ф. Алефиренко (2008), Л. П. Юздова (2009), Н. Н. Амосова (2010) и др. – по проблемам русской и зарубежной фразеологии; Т. А. Бертагаев (1949), Ц. Б. Будаев (1970), Г. Ц. Пюрбеев (1972), Ш. Р. Цыденжапов (1989, 1990), Ж. Баянсан (2002) и др. – по проблемам фразеологии монгольских языков; Ц. Б. Цыдендамбаев (1963), Л. Д. Шагдаров (1974), А. В. Кунин (1983), М. Н. Кожина, (1993), Д. Э. Розенталь (1998), Д. Д. Санжина (2000, 2007) и др. – по стилистике.

В работе применены такие методы и приемы, как описательный метод, сравнительно-сопоставительный, дистрибутивный, контекстологический методы, прием структурно-компонентного анализа.

Методологическая основа диссертации: анализ фразеологических единиц сопровождается лингвокультурологическими экскурсами в область материальной культуры бурят, обрядовой практики, обычаев, мифов, эпоса и т.д.; привлекаются данные этнографии, психолингвистики и других смежных дисциплин, а также эквиваленты ФЕ русского языка. Контексты подвергаются авторскому переводу на русский язык.

Научная новизна настоящего исследования состоит в следующем:

1. На материале бурятского языка уточнено понятие эмоционально-экспрессивной оценочности, определен научный статус фразеологической единицы как прагмалингвистической единицы, выделены ее денотативная и коннотативная составляющие.

2. Определено многообразие стилистических ресурсов фразеологических единиц бурятского языка, в числе которых представлен общемонгольский фонд, диалектный пласт, фольклор, а также явления этнографического плана.

3. Показано, что такие семантические процессы, как синонимия, варьирование, полисемия и др. являются значимыми источниками пополнения стилистических средств фразеологии.

4. Проведена функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц бурятского языка по сфере их применения.

5. Представлены и описаны два типа оценочности в семантическом объеме бурятских фразеологических единиц – положительная и отрицательная – с установлением контекстуальной зависимости полярности единицы.

6. Обозначена позиция пейоративной коннотации в дихотомии «позитивное / негативное» как части пласта негативно-оценочных языковых знаков.

7. Детализирован характер взаимодействия категорий экспрессивности и эмотивности.

8. Выявлен добавочный принцип классификации фразеологических единиц – принцип эмотивности, позволяющий дифференцировать фразеологические знаки по параметру полярности значения.

9. Бурятские пейоративные фразеологизмы представлены как рефлекторы национального отношения к аморальному и асоциальному поведению представителей социума.

10. Фразеологические единицы параметризированы по степени соотнесенности эмосем значений компонентов с эмосемой содержания всей структуры, что способствует экспликации лингвистических и культурологических особенностей, а также функционально-стилистической дифференциации фразеологических единиц.

11. Выявлены функции фразеологических единиц бурятского языка, кроме коммуникативно-номинативной, изобразительно-живописующей, создания комичности и иронии, и такие, как метафоризация контекста, как текстообразование и определения индивидуального стиля писателя.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в бурятском языкознании сделана попытка разработки нового для монголоведения направления – фразеологической стилистики. Проблемы бурятской фразеологической стилистики освещены в нем как проблемы, непосредственно связанные с особенностями организации и функционирования коннотативного блока общего фразеологического значения. Необходимо отметить отсутствие монографических исследований по данной проблеме не только в бурятском языкознании, но и в монголоведении.

На наш взгляд, фразеологическую стилистику необходимо рассматривать в широком плане, как часть общей стилистической системы языка и как часть общей фразеологии в неразрывном единстве. Считаю, что нужно изучать фразеологию в следующем объеме:

1) стилистический компонент фразеологического значения, его место в общем фразеологическом значении и связь с другими компонентами семантики ФЕ; 2) функционально-стилевая дифференциация ФЕ (употребление в различных сферах общения и связь ФЕ с жанровой дифференциацией литературы); 3) средства и приемы стилистической организации ФЕ; 4) связь фразеологической стилистики с онтологией; 5) стилистические функции ФЕ в контексте (включая способы авторских трансформаций) и т.д. Все названные выше вопросы взаимосвязаны и, на наш взгляд, обуславливают друг друга.

Настоящее исследование не является полным описанием фразеологической стилистики: в нем в силу ограниченности объема работы предпринята попытка осветить наиболее значимые и сложные аспекты данной отрасли науки. Работа явилась результатом поисков и размышлений автора в процессе подготовки фразеологического словаря бурятского языка.

Основополагающими для диссертационного исследования являются понятия: категория, фразеологическая единица, функциональный стиль, коннотация, оценочность, функция.

Категория понимается как абстрактив, понятие-суждение высочайшей степени отвлеченности, отражающее взаимосвязь и взаимообусловленность реалий объективной действительности и познания и участвующее в процес-

се категоризации в качестве понятийного узла, характеризующегося общностью признаков и свойств составляющих.

В определении коннотации следуем В.Н. Телия: коннотация – это семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [Телия 1986: 5].

Функциональный стиль – разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере.

Фразеологическая единица определяется как речезыковая структура, которая не создается, а воспроизводится в национальном языковом сознании в готовом виде, выполняет номинативную функцию, характеризуется (относительной) семантической устойчивостью и целостностью, ингерентной языковой и речевой экспрессивностью, определенной соотносительностью формы и содержания, синтаксической монофункциональностью (выполняет синтаксическую функцию одного члена предложения) и структурной поликомпонентностью.

В диссертации эмоционально-экспрессивная оценочность квалифицируется как прагмалингвистическая категория, функционирование которой в бурятской фразеологии демонстрирует особенности языковой картины мира исследуемого языка.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в атрибутировании категории эмоционально-экспрессивной оценочности как самодостаточной сущности в бурятской фразеологии, обладающей облигаторными свойствами и представляющей собой открытую структуру, связанную с релевантными категориями, в частности, категориями отрицательной и положительной оценки.

Исследование позволяет в дальнейшем рассмотреть проблемы:

1) классификации эмоционально-экспрессивной оценочности как категории;

2) функционирования категории эмоционально-экспрессивной оценочности с позиций принципов других классификаций;

3) применения принципа транспарентности в анализе фразеологизмов положительной полярности;

4) детализированного рассмотрения транспарентных ФЕ с учетом существенных характеристик стилистических тропов и фигур, лежащих в основе фразеологизмов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц возможна по преобладающей сфере их функционирования и по стерженному слову в составе фразеологической единицы.

2. Категория эмоционально-экспрессивной оценочности – это содержательная отвлеченность прагмалингвистического статуса, вербализованная единицами языка, обладающими общим свойством эмоционально-экспрессивной оценочности, являющаяся одним из способов отражения языковой картины мира.

3. В бурятских фразеологических единицах проявляется взаимодействие категорий пейоративности, эмотивности и экспрессивности.

4. Понятия «пейоративный» / «негативный»; «пейоративная коннотация» / «негативная коннотация» не являются тождественными или взаимозаменяемыми, что проявляется в бурятских фразеологизмах.

5. Универсальные и специфические черты бурятской культуры выражаются через функционирование категории эмоционально-экспрессивной оценочности во фразеологизмах исследуемого языка.

6. Структурно-семантическая трансформация (способность к равноуровневому варьированию) фразеологических единиц демонстрирует результат живого речетворчества в конкретных речевых условиях. Трансформация фразеологических единиц базируется на их нормативности, будучи проявлением системности языка, служа усилению выразительности, эмоционально-экспрессивной оценочности.

7. Наряду с коммуникативно-номинативными, изобразительно-живописующими функциями, а также функцией создания эффекта комизма и иронии, усиления экспрессивности контекста, важнейшей функцией фразеологических единиц является текстообразование, метафоризация контекста, индивидуализация стиля писателя.

8. Бурятские фразеологические единицы являются не только демонстраторами лингвистических особенностей анализируемого языка, но и менталитета носителей бурятского языка.

9. Бурятские фразеологические единицы являются одними из ярких и образных средств выразительности языка с общемонгольскими как экстралингвистическими, так и языковыми стилистическими ресурсами.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в лекционных курсах по фразеологической стилистике бурятского языка, спецсеминарах и спецкурсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Материалы могут стать основой составления фразеологических словарей, использоваться в практике перевода художественного и публицистического текстов.

Основными источниками исследования послужили:

Тексты художественной литературы на бурятском языке, включая прозу, драматургию, поэзию (более 60 наименований книг), и публицистику (газета «Буриад үнэн»), а также фольклорные источники, памятники старомонгольской письменности и словари:

Бабуев С. Д., Бальжинмаева Ц. Ц. Буриад зоной урданай һуудал байдалай тайлбари толи. – Улан-Удэ: Мин-во науки и образования республики Бурятия, ИМБит СО РАН, Бэлиг хэблэл., 2004. – 352 с.

Бурятско-русский словарь. Сост. К. М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.

Г. Аким. Монгол өвөрмөц хэлцийн тайлбар толь. – Нэмсэн хоёрдох хэвлэл. – Улаанбаатар: Интерпресс, 1999. – 211 с.

Мадасон И. Н. Буряад арадай оньһон, хошоо үгэнүүд. – Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1960. – 401 с.

Русско-бурят-монгольский словарь. Сост. Цыдендамбаев Ц. Б. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1961. – 750 с.

Словарь наиболее употребляемых общественно-политических терминов. – Улан-Удэ: Государственная служба языкового перевода Администрации Президента и Правительства Респ. Бурятия, 1999.- 19 с.

Фразеологические единицы в языке бурятской прозы. Словарь-справочник. Сост. Тагарова Т.Б. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2006. – 419 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Сост. А. И. Фёдоров. – Новосибирск: Наука, 1995. – 785 с.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета.

Теоретические положения и практические результаты отражены в двух монографиях, учебном пособии и словаре:

1. Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. – 2002. – 176 с.

2. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. – 2008. – 341 с.

3. Буряад хэлэнэй тогтоомол холбуулалнуудай найруулга: учеб. пособие. – 2008. – 103 с.

4. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы. Словарь-справочник. Сост. Тагарова Т.Б. – 2006. – 419 с.;

в девяти статьях, опубликованных в научных журналах ВАК:

«Mongolica» (г. Санкт-Петербург), «Вестник ИГЛУ» (г. Иркутск), «Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского» (г. Чита), «Гуманитарный вектор» (г. Чита), «Сибирский филологический журнал» (г. Новосибирск);
статьях и докладах на научных конференциях:

международных –

«Россия и Монголия в многополярном мире: итоги и перспективы сотрудничества на рубеже тысячелетий». Иркутск, 2000; VIII международный конгресс монголоведов. Улаанбаатар, 2002; «Мир Центральной Азии. Языки, фольклор, литература». Улан-Удэ, 2002; «Санжеевские чтения-5». Улан-Удэ, 2003; «Время в социальном, культурном и языковом измерении». Иркутск, 2004; «Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства». Иркутск, 2004; «Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания». Улан-Удэ, 2005; «Бурятский язык и культура в условиях глобализации». Улан-Удэ, 2005; «Мир фольклора в контексте культуры

монгольских народов». Иркутск, 2006; «Баяртуевские чтения-1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности». Улан-Удэ, 2008; «Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование». Иркутск, 2008; «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии». Иркутск, 2008; «Страны Востока: история, культура, международные отношения». Иркутск, 2008; «Шестые Востоковедные чтения». Иркутск, 2009; «Mongol sudlalin chuulgan». Улаанбаатар, 2009; «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований». Элиста, 2009; «Монголоведение в изменяющемся мире – перспективы развития». Улаанбаатар, 2010; «Динамика языковой ситуации в монгольском мире». Улан-Удэ, 2010; «Кочевая цивилизация и бурят-монголы». Улаанбаатар, 2010; «Генеалогическая культура бурят: современный научно-образовательный дискурс». Улан-Удэ, 2009; «Языки и письменные источники монгольских народов». Улан-Удэ, 2010; «Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России». Улан-Удэ, 2010; «Этно: литературоведение и литературное образование: перспективы и приоритеты». Улан-Удэ, 2010; «Найдаковские чтения-3. Бурятия и тюрко-монгольский мир в литературном и фольклорно-мифологическом контексте». Улан-Удэ, 2010; «Aktualne problem nowoczesnych nauk -2011». Przemysl, 2011; X International Congress of Mongolists: “Mongolia’s External Relationship and Experiences”. Ulaanbaatar, 2011; «Монголия в XX веке». Иркутск, 2011; «Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы. Иркутск, 2012; Этническая генеалогия в контексте истории и современности: междисциплинарный диалог. Улан-Удэ, 2011; Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита, 2012; “Этнокультурный диалог в Центральной Азии”. Улан-Удэ, 2012; 10-th international congress of mongolists. Mongolian language and culture and their urgent problems. Ulaanbaatar, 2012; Тавдугаар ноён хутагт Д. Равжаагийн мэндэлсийн 210 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар, 2013.

всероссийских –

I Всероссийский конгресс фольклористов. Москва, 2006; «Санжеевские чтения-6». Улан-Удэ, 2006; «Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России». Элиста, 2009; «Фольклорное наследие сибирских народов: традиции и этнокультурные связи». Улан-Удэ, 2009; Найдаковские чтения-3. Бурятия и тюрко-монгольский мир в литературном и фольклорно-мифологическом контексте. – Улан-Удэ, 2010; Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. СПб, 2012; “Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин. Элиста, 2012; «Санжеевские чтения-7». Улан-Удэ, 2012.

межвузовских и региональных:

«Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории». Иркутск, 2000; «Диалог культур в системе школьного образования»; «Проблемы экономики, политики и культуры и независимости Монголии»; «Вопросы ономастики, диалектологии, фольклора и литературы». Иркутск, 2001;

«Проблемы фольклористики, литературоведения, языкознания»; «Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке». Иркутск, 2002; «Современные проблемы филологии». Улан-Удэ, 2003; «Филологическое образование в ВУЗе и школе: традиции и перспективы». Чита, 2003; «Хангаловские чтения». С. Оса Осинского района Иркутской обл., 2008; «Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты». Улан-Удэ, 2009; «Этническая история, этнография, фольклористика и язык бурят». Улан-Удэ-Бохан, 2009; «Круглый стол монголоведов»; «Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры». Иркутск, 2010; Этно: литературоведение и литературное образование: перспективы и приоритеты. Улан-Удэ, 2010; Этническая история, этнография, фольклористика и язык бурят. Улан-Удэ-Бохан, 2011; Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. – Улан-Удэ, 2011.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования, методы, используемые в работе, указываются источники фактического материала.

В **первой главе** рассматривается история вопроса, излагаются теоретические основы фразеологической стилистики, характеризуется понятийно-терминологический аппарат исследования.

Во **второй главе** характеризуются стилистические ресурсы фразеологического фонда бурятского языка.

В **третьей главе** проводится функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц, которые распределяются по таким разрядам, как книжные, нейтральные, разговорные. Фразеологические единицы характеризуются в эмотивно-оценочном аспекте. Выделяются положительно-оценочные и отрицательно-оценочные фразеологические единицы, включая пейоративные.

В **четвертой главе** фразеологические единицы описываются как художественное средство в бурятском языке. Выявляются основные способы их использования в художественных и публицистических текстах, такие как ингерентные (без изменения) и адгерентные (с особым включением в контекст, с трансформацией). Также рассматриваются такие функции фразеологических единиц, как метафоризация контекста, текстообразование и индивидуализация стиля писателей.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, формулируются цели и

задачи исследования, положения, выносимые на защиту, указываются источники фактического материала, используемые в работе.

Глава I «Теоретические предпосылки изучения вопросов фразеологической стилистики» посвящена изложению теоретических основ фразеологической стилистики, характеристике понятийно-терминологического аппарата исследования, истории вопроса в отечественном языкознании и монголоведении.

В § 1 «Понятие фразеологической единицы и семантическая классификация» рассмотрены точки зрения ведущих ученых-фразеологов на фразеологическое значение, внутреннюю форму, и дано определение фразеологической единицы. Приведена семантическая классификация фразеологических единиц по степени семантической слитности компонентов В. В. Виноградова с дополнениями Н. Н. Шанского.

Нам представляется наиболее целесообразной «широкая» точка зрения на объем фразеологии, которой придерживается большинство ученых, включая паремииологию во фразеологический фонд, что обусловлено их яркой образностью, стилистически разнообразными функциями. Таким образом, фразеологическая единица – это стилистически маркированное несвободное словосочетание, характеризующееся семантической спаянностью компонентов, устойчивостью (относительной) значения и лексического состава, которое как актуализация образного восприятия этносом реальной действительности образуется транспозицией значения либо всех составляющих фразеологизм компонентов, либо одного из компонентов.

Семантическая транспозиция словосочетания в комплексе с такими качествами, как устойчивость, смысловая целостность, воспроизводимость, создает качественно новое значение (фразеологическое), которое является главным дифференциальным признаком ФЕ.

Под фразеологической устойчивостью мы понимаем новое, семантически обогащенное, переосмысленное содержание, сформированное на синтаксическом уровне и закрепленное за конкретной формальной синтаксической структурой – сочетанием слов. Однако устойчивость ФЕ не абсолютна, что дает возможность новых транспозиций значения ФЕ и делает возможным воспроизведение ФЕ в готовом виде, тем самым противопоставляет ее свободному словосочетанию.

В § 2 «Краткий обзор изучения фразеологии и фразеологической стилистики в отечественном языкознании» дается обзор основных трудов отечественных фразеологов В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Ефимова, Н. М. Шанского, И. А. Федосова, В. Н. Вакурова, А. В. Кунина, В. Н. Телия и других ученых, которые наряду с проблемами общей фразеологии, стилистики, поднимали и такие вопросы, как стилистическая дифференциация, стилистические функции ФЕ и приемы их использования в структуре художественных произведений.

В § 3 «Степень изученности фразеологии в монголоведении» рассматриваются основные направления исследования фразеологии монгольских язы-

ков, и заключается, что фразеология бурятского языка изучена преимущественно в плане семантической слитности компонентов, предложены классификации ФЕ по смысловому содержанию и грамматической структуре ФЕ. В халха-монгольском языкознании сделаны подступы к изучению фразеологии в лингвокультурологическом плане. Несмотря на длительную историю изучения фразеологии, на наличие большого количества научной литературы, нет ни одного принципиального вопроса, который не вызывал бы среди фразеологов дискуссии.

В § 4 «Значение фоновых знаний в формировании стилистического компонента фразеологической единицы» обосновывается необходимость фоновых (пресуппозиционных) знаний для стилистически правильного, уместного употребления фразеологических единиц. Внутренняя форма ФЕ не только пересекается с пресуппозицией, но и связана с ней отношениями зависимости, производности. Ведь для того, чтобы вновь пережить, эмоционально оценить образ, рождающий экспрессивность значения, определяющий его стилистическую маркированность, носитель языка должен обладать совокупностью знаний и аналитических умений вариационно-адаптивного характера, которые можно определить как коммуникативно-прагматические, образно-понятийные и лингвистические.

Адресант должен проявить гибкость при определении допустимости/недопустимости языкового явления в том или ином контексте. С другой стороны, для достижения речевого эффекта недостаточно соотнесения ФЕ с ситуацией, необходимо знать этику, внутреннюю форму ФЕ, коннотации ее компонентов.

Экспрессивные и стилистические компоненты лексического и фразеологического значений и составляют вместе с другими их компонентами общий вербальный фон или общую пресуппозицию носителей языка, которая может быть представлена в различных модификациях, свойственных той или иной языковой личности, в зависимости от ее социального статуса, возраста, образования, места проживания, жизненного опыта, интеллектуального уровня. Объем фоновых знаний не всегда совпадает у различных носителей языка.

В § 5 «Коннотация как макрокомпонент фразеологической единицы» дается толкование, определение коннотации как стилистического компонента фразеологического значения. Коннотацию образуют как макрокомпонент семантического значения 1) внутренняя форма, 2) оценочный смысл, 3) стилистическая маркированность, 4) экспрессивная окраска, характеризующая обозначаемое словосочетание в целом. Специфика экспрессивно окрашенного значения состоит в способности объективно отразить мир и в то же время произвести прагматический эффект.

Основная функция коннотации – это функция воздействия, непосредственно связанная с прагматикой речи. ФЕ, сопровождающимися оценочным «бременом» (неодобрения, иронии, ласки, риторичности и т.д.) являются, например, следующие: *шэхэнэй шиир болохо* ≈ прожужжать все уши, *саарһа эрээлхэ* ≈ бумагу марать, *шудхаһан хулгана* ≈ мокрая курица, *юу улимайгаа олоһон юм шэнгээр* ≈ носиться как с писаной торбой – выражают отрицатель-

ную оценку; *мунхэ нойроор нойрсохо* ≈ спать вечным сном, *нимгэн эльгэстэй* ≈ добросердечный, *морилжо хайрлыт* ≈ соблаговолите прибыть и т.д. – выражают одобрение или положительную оценку. Так, коннотация, важнейший макрокомпонент фразеологического значения, несет эмоционально-экспрессивную оценочность и тесно связана с внутренней формой ФЕ.

§ 6 «Значение контекста в формировании коннотации фразеологических единиц» раскрывается значимость контекста для создания эмоционально-экспрессивной оценки фрагментов действительности. Так одна и та же ФЕ может иметь разную коннотацию в зависимости от ситуации. Например: *адис табиха* ‘дать благословение’ и в другом значении – ‘дать тумака’ и т.д.

В § 7 «Соотношение эмоционального и образно-метафорического значений фразеологических единиц» отмечается, что эмоциональность вызывается образностью, метафора являет собой один из способов формирования эмотивно-оценочного фразеологического значения, а также отражение связи с национально-культурной спецификой когнитивной деятельности носителей бурятского языка. ФЕ, являющиеся продуктом познавательной и квалифицирующей деятельности, содержат в себе концептуальные базовые метафоры, представляющие собой элементы национальной культуры.

В § 8 «Экспрессивное значение фразеологических единиц» признается, что экспрессивность – совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Утверждается необходимость дифференцировать понятия языковой и речевой экспрессивности.

Языковая экспрессивность понимается как совокупность внеконтекстуальных коннотаций языковых единиц, обеспечивающих выражение эмоций; речевая экспрессивность – особая организация языковых средств, которая создает общую окрашенность речи, ее выразительность.

Например, ФЕ-синонимы *ама халамгай* под хмельком, *хэлэниинь орёолдошоһон* язык заплетается, *мяхан ногтуу* мертвецки пьяный и т.д.; *альган дээрээ (бөөмэйлхэ)* на руках носить, *нюдэнэй сэсэгэ шэнги (бөөмэйлхэ)* как зеницу ока и т.д.; а также *адис буулгаха* дать взбучку, *тооһо губихэ* надавать тумаков, *тархи түрүүгүй сохихо* бить куда попало, *арһын үбшэхэ* шкуру содрать и т.д. демонстрируют значение узуальное, вне контекста, т.е. им экспрессивность присуща в системе языка, а не в речи. В речи экспрессивность может придаваться контекстуальными опорными единицами. Экспрессивность образуется посредством «Сложения и взаимодействие двух типов субъективно-модальных отношений – оценочного и эмотивного...» [Телия 1996:122].

В число признаков экспрессивности речевого факта следует включить также интенсивность смыслового содержания, очень высокую (нередко наивысшую) степень проявления признака.

Считаем, что не следует выделять количественные; качественные экспрессивные значения, т.к. в основном ФЕ присуще совмещение этих черт, они обладают качественно-количественной экспрессивностью.

§ 9 «Понятия стилистики и стилистической окраски, стилистического значения и функций фразеологических единиц» посвящен рассмотрению понятийно-терминологического аппарата исследования.

В определении понятия «стилистика» следуем мнению И. Р. Гальперина: «Лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, особых сочетаний языковых единиц, способных сообщать дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста), и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста» [1973: 19].

Под функцией понимается способ участия языковых единиц в построении речи, в организации предложения и текста. Основные стилистические функции ФЕ – это экспрессивно-оценочная, характеризующая, изобразительная функции.

Например, изобразительно-оценочную функцию выполняют ФЕ *наран жаргаба* ‘солнце наслаждается счастьем’; *ургөө шатаһан* букв. челость сгорела ‘слишком болтлив’; изобразительно-живописующую (без оценки) функцию: *зөөлэн бүхэдэ дишдэхэ* букв. быть побеждённым мягким крепышом ‘уснуть’ и т.д. Также ФЕ выполняют функции метафоризации контекста и текстообразования.

Под стилистической окраской понимаются образные, эмоциональные, экспрессивные и оценочные значения и оттенки, включаемые в семантическую структуру ФЕ. Следовательно, эмоционально-экспрессивная окраска – это только часть стилистического значения.

Таким образом, принципиально разграничивается функционально-стилистика и эмоционально-экспрессивная характеристика ФЕ. Стилистическое значение включает в себя функционально-стилистика значение и эмоционально-экспрессивное значение.

§ 10 «Стилистически маркированная фразеология и стили языка и речи» посвящен раскрытию понимания стилей языка и их взаимоотношений с фразеологическими единицами. Функциональный стиль – разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социальной значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Центральное положение занимает обиходно-литературный стиль, бытующий в широком повседневном неспециальном общении и в художественной литературе, – «нейтральная» разновидность литературного языка, на фоне которой проявляются особенности других функциональных стилей. Каждому стилю свойственен свой особый отбор языковых единиц, в том числе и ФЕ.

По отношению к различным функциональным стилям стилистически маркированные ФЕ выступают как стилиобразующие элементы. По характеру многообразного использования ФЕ публицистический и художественный стили сближаются, в отличие от официально-делового и учебно-научного стилей, которые в основном не допускают переносности значения языковых единиц.

§ 11 «Соотношение стиливого и эмоционального значений фразеологических единиц» раскрывает проблему установления первичности стиливого и эмоционального значений. Декларируется, что стиливое значение ФЕ развивается на определенном этапе развития языка в связи с формированием его функциональных разновидностей, а эмоциональное значение формируется одновременно с развитием метафорического значения свободного словосочетания. Так, словосочетание *шоо үзэхэ* первоначально имело только значение 'гадать на костяных кубиках'. Затем в результате метафорического переноса словосочетание приобрело фразеологическое значение 'осуждать, относиться с неодобрением'. Метафоричность этой ФЕ породила эмоциональное значение неодобрительности, именно по причине эмоциональности ФЕ *шоо үзэхэ* попала в стиливой пласт разговорных ФЕ.

Таким образом, на наш взгляд, в ФЕ первично эмоциональное значение, стиливое же значение вторично.

Глава II «Стилистические ресурсы фразеологического фонда бурятского языка» посвящена описанию стилистических ресурсов бурятской фразеологии. Приводятся многообразные источники пополнения фразеологического фонда.

В § 1 «Общемонгольские истоки фразеологических единиц» дается анализ ФЕ, берущих начало в памятнике старомонгольского языка «Сокровенное сказание монголов». Большая часть ФЕ данного памятника находится в активном запасе фонда книжного пласта фразеологии.

Диалектные ФЕ рассмотрены на материале улигеров, а также полевых записей автора. Обнаруживаются фонетические, лексико-морфологические отличия при совпадении семантики, установлено бытование разностных ФЕ диалектов, например, относящихся к рыболовческому промыслу и т.д. Обращение к материалам из работы Т. А. Бертагаева приводит к мысли об общепурятском характере подавляющего количества ФЕ по семантике, что указывает на их раннее происхождение. Диалектные ФЕ являются частью разговорного пласта фразеологии.

ФЕ общемонгольского происхождения совпадают в семантике, лексическом составе при фонетических расхождениях.

В § 2 «Национально-культурное мировидение в зеркале фразеологии бурятского языка» мы сочли нужным обратиться к вопросу национально-культурных особенностей фразеологических единиц бурятского языка, т.к. их яркая образность демонстрирует такие фрагменты жизнедеятельности, которые присущи бурятам, как кочевому народу. ФЕ представляют языковую картину мира носителей бурятского языка, нравственные установки, нацеленные на сохранение культуры. Язык воздействует и на само формирование коллективной ментальности. Таким образом, можно говорить о наличии у ФЕ функции коннотативно-культурологической.

В § 3 «Экстралингвистические источники фразеологии» раскрываются в качестве ресурсов фразеологии бурятского языка элементы духовной и материальной культуры бурят. Это ФЕ, восходящие к религии – шаманизму, к обрядовым действиям: *халуун шулуу долёохо* букв. горячий камень лизать ~

пройти огонь и воду; *гал дээрэ тоһо хаяха* букв. в огонь масло бросать ≈ масла в огонь подлить; *онгондо орохо* – вхождение шамана в транс, перен. ‘быть в крайне возбужденном состоянии, неистовствовать’ и т.д. ФЕ, связанные с буддизмом: *шоо үзэхэ* гадать на костяных кубиках, перен. ‘осуждать’; *бурхандаа мордохо* букв. к богу своему убыть – умереть и т.д.

Нами рассматривается фольклор как первичный прототекст ФЕ ввиду того, что достаточно большая часть ФЕ из записей улигеров («Аламжи Мэргэн...», «Гэсэр» и др.) и других жанров бытует в современном языке, являясь традиционным средством художественной выразительности, как в прозе, так и в поэзии. Например, *Ахана яһайе хадьин агыда/ Орхёод гаража ерэбэ...* (букв. кости брата старшего в пещере горы оставив вышла) – похоронила; из «Хаан Сагта абхай» – *Яһаа хаяхамнай хаяа гэжэ/ Үйлажа дүйлажа байна* (Шаракшинова 2000) – умереть; *Үтэлсэрөө һанаабэйи /Бусалсараа шүлэбэйи* (там же). В литературном языке: *Үлтиртэрөө шүлэ гарахагүй, үбгэртэрөө ухаа орохогүй* – перевернуться, но бульона не даст, до старости ума не наживет и т.д.

Система образов-эталонов и символов бурятского языка представляет наибольший интерес в связи с изучением менталитета этноса. Слова-символы или слова и словосочетания, получающие символическое прочтение, также порождают ФЕ. Так, в бурятском языке сердце – орган чувств: *зүрхөө дараха* букв. сердце свое подавить ‘сдерживаться, подавлять свои чувства’; *зүрхөө эдихэ* букв. сердце свое съесть ‘почувствовать отвращение’ (к тяжелой работе) и т.д. Печень какместилище чувств в ФЕ: *эльгэ нимгэн* букв. печень тонка ‘чувствительный, добросердечный’; *эльгээ эгшэтэр энеэхэ* ≈ смеяться до колик; *эльгэ хатаха* букв. печень сохнет ‘смеяться, хохотать’; *эльгээ тэбэрхэ* букв. печень свою обнимать ‘предаваться горю’ и т.д. Символом неукротимой энергии, выносливости, силы и воли является волк ФЕ: *шоно һанаа һаналжа, шулуун зүрхэ зүрхэлжэ* букв. волчьи мысли думая, каменное сердце имея ‘собрав все силы, всю волю’; *шоно эшгэндээ зуб, шолмос шгдхэртөө зуб* букв. волк для козленка прав, ведьма для черта права и т.д.

Эталонем покорности, безобидности является овца: *хэбтэһэн хони бодхоохогүй* букв. лежашу овцу не поднимет ≈ мухи не обидит; мышшь жалкое существо: *шудхалан хулгана мэтэ* букв. залитой мышши подобно ≈ как мокрая курица. Тупость, упрямство символизируются в образе быка: *мухар нударгаар бухын хамар нүхэлхэ* букв. голым кулаком быка нос дыривить ‘действовать вслепую, упрямо, будучи несведущим’ и т.д.

§ 4 «Семантические процессы как фактор развития фразеологии бурятского языка» посвящен рассмотрению таких языковых процессов, которые способствуют образованию ФЕ. Так, это метонимизация и метафоризация словосочетаний; заимствование и калькирование иноязычных фразеологических единиц; синонимия; варьирование; полисемия; омонимия фразеологических единиц.

Глава III «Функционально-стилистическая дифференциация и эмоционально-экспрессивная оценочность бурятских фразеологических единиц» посвящена характеристике ФЕ со стороны сфер функционирования и с эмо-

тивно-оценочной стороны. Предлагается классификация ФЕ по сферам бытования и по ведущему слову.

В § 1 «*Стилистические разряды фразеологических единиц*» предлагается классификация стилистических разрядов фразеологических единиц бурятского языка, критерии их разделения. Так, по преимущественному употреблению в письменной речи, своей специфически «повышенной» экспрессивно-стилистической окраске (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т.д.) выделяются книжные ФЕ: *мүнхэ нойроор нойрсохо уснуту вечным сном, жаргалай магнай дээрэ* на вершине счастья, *зар тунхаг табиха* оповещать и т.д. Книжные ФЕ функционируют в официально-деловом, публицистическом стилях.

К разговорному пласту относятся ФЕ бурятского языка, отличающиеся непосредственностью, непринужденностью, сниженностью, бытовым характером, некоторой вольностью, интимностью. Разговорные ФЕ характеризуются эмоциональными значениями ласкательности, шутливости, иронии, неодобрительности, пренебрежительности: *Амыень таглажархёорой. Д. Батожабай. нэшхэлшни хаанаб? – Заткни рот; ...Бухын бааһан шэнги обогор алтан монетэнүүд... Төөригдэһэн хуби заяан. – ...Большая куча (словно навоз от быка) золотых монет... и т.д.* Среди разговорных ФЕ высокой частотностью отличаются ФЕ с соматическими словами, ФЕ с зоонимами, с профессионализмами, с числительными.

У межстилевых ФЕ на первый план выдвигается номинация явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они общепотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные. Сравним *тархля гунхуулха* или *нюһаа һанжуулха; ухаа муутай* и *мяхан тархи* и т.д. где первые ФЕ являются функционально нейтральными, а вторые относятся разговорному пласту.

§ 2 «*Эмоционально-экспрессивная оценочность фразеологических единиц*» посвящен характеристике категории оценочности, ее реализации в бурятской фразеологии.

Категориальный статус эмотивности доказывается рядом исследований таких ученых, как Ю. Д. Апресян, В. И. Шаховский и др. Вслед за ними мы определяем лингвистический характер эмотивности, как переживания человека, номинированные словами. А эмоции есть чувственная реакция организма человека на раздражения из окружающей среды, передающаяся жестами, мимикой, т.е. несловесными способами. Эмоции, получая лингвистическое выражение, реализуются через эмотивную лексику. Эмотивность нами рассматривается как категория, которая охватывает все средства выражения эмоций, включая лексику, которая не называет конкретную эмоцию, но позволяет определить ее полярность. Вслед за С. В. Лескиной (2010), с позиции широкой трактовки, эмотивная лексика нами разделяется на собственно эмотивы и потенциальные эмотивы. Собственно эмотивы – это 1) эмотивы-номинативы, лексемы, семантика которых прямо номинирует эмоции, акцентируя эмосему (узкая трактовка эмотивности); или лексемы, вербали-

зующие семантику полярности эмоции (широкая трактовка эмотивности); 2) эмотивы-ассоциативы – лексемы, вызывающие ассоциации отрицательного или положительного характера (зоонимы, колоронимы и ассоциативы-рефлексивы).

Сторонники узкой трактовки (Е. М. Вольф, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский) относят к эмотивной лексике языковые единицы, которые номинируют конкретную эмоцию, переживаемую или испытываемую человеком.

Оценка – это наиболее яркий носитель прагматического значения. В языкознании выделяют два типа оценочных единиц: обще- и частнооценочные. Общеоценочные представляют оценку «хорошо / плохо», частнооценочные включают такие составляющие оценки, как сенсорно-вкусовая, эстетическая, утилитарная, психологическая, этическая. Языковые единицы могут принадлежать к позитивно-оценочному пласту и к негативно-оценочному. К последнему принадлежат единицы, выражающие отклонение от нормы. Наиболее распространены в изученном материале общая оценка, психологическая, интеллектуальная, эстетическая и этическая оценки.

Поскольку большая часть ФЕ, выражая чувства человека, содержит в себе эмотивный элемент семантики, мы выделили эту часть ФЕ и распределили ее в соответствии с выражением конкретных чувств:

I) восхищение, восторг, радость, счастье (*жаргалай манай дээрэ; сэдхэл дүүрэхэ* и др.); 2) добрые пожелания, одобрение, любезность, вежливость (*алтан гартай; гартаа дүйтэй, долёобортоо домтой, эрхйдээ эмтэй* и др.); 3) удивление, недоумение, изумление: *газар дорохоо гараһан шэнги, гайха тагна ехэ (шамай)* и др.); 4) насмешка, пренебрежение, презрение (*ташааһаань ташуур үлгэхөөр; тохир хурган аман тээшээ, тэмээн толодоо найдаа* и др.); 5) раздражение, досада (*үгы юумэн үхэрһөө хашиан, үйлэ муутай* и др.); 6) негодование, возмущение, гнев: *улха матаар урьяха, гани галзуу (галаб) болохо* и др.); 7) предупреждение, предостережение, угроза (*газарай нюруу дээрэнээ аршаха, нойтоншье газар үлэхэгүй* и др.); 8) интерес, внимание (*амаа ангайха; нюдэ алдангүй* и др.); 9) безразличие, равнодушие (*тархья гантаг; намһаа саагуур, наранһаа наагуур* и др.); 10) беспокойство, волнение, переживание, тревога (*досоо хүндэ шулуун; шэг шарайнь хобхорхо* в др.); II) обида *нидхээз (хүмэдхөө) буулгаха, хоолойдо булхин тогтохо* и др.); 12) испуг, боязнь, страх, ужас (*зүрхэн амаараа гараха; амиды үхэнэн хоёртой хоорондо, нюрга руу хүйтэ дааха* и др.); 13) смущение, стыд, стеснительность (*нюдөөрөө газар хадхаха, хулгай нюдөөр* и др.); 14) огорчение, грусть, тоска (*өөдэ нара харахагүй, хамараа һанжуулха* и др.).

В русле изучения ФЕ в антропоцентрическом направлении рассмотрена оценка человека в мировидении носителя бурятского языка. Выделены *интеллектуальная* положительная оценка (*хара ухаан букв. сплошной ум; сээжэ һонор* букв. грудь острая, тонкая 'острый ум'; *далан урьха таһа хазаха* букв. семьдесят силков перекусит и т.д.) и отрицательная оценка (*ухаандань ухаһа үхэнэн* букв. в уме козел умер 'в голове нет и проблеска мысли'; *мяхан тархи* букв. мясная голова; *нойтон (модон) мунса* букв. мокрая (дере-

вянная) колотушка ≈ дубина стоеросовая и т.д.). Материал показывает преобладание отрицательной интеллектуальной оценки.

Сублимированная оценка (совмещающая эстетическую и этическую оценку): отрицательно-оценочные ФЕ о женщине: *хатайртаһан хонин шэнги* букв. как овца, больная овечьей сухоткой 'тощая'; о мужчине – *эбэрээ хатаһан сар* букв. вол с засохшими рогами; *түбөө тажаахан* букв. немощный, рачительный 'замухрышка', *тэхын мухар һүүл* букв. козлиный куцый хвост и т.д.; о старом человеке: *хуушан үлирбэ* ≈ старая перечница; *духаа хатаһан* букв. с затылком иссохшим ≈ старый пень; *унтарһан сусал* букв. угасшая головешка 'не способный ни на что' и т.д.

Основанием отрицательной эстетической оценки служит негативное восприятие внешнего вида животных, нарушающего представления о человеческой красоте: *ямаа эрьюулһэн тэхэ шэнги* букв. словно козел, круживший вокруг козы 'неряшливый, растрепанный'; *тахягай (үхэрэй) бүгсэ шэнги нюуртай* букв. с лицом как куриная гузка (зад коровы) 'человек с синдромом похмелья' и т.д.

Этическая оценка выражается в ФЕ: *һамарай хоһон сонсогой* букв. ореха пустая скорлупа ≈ дутый (мыльный) пузырь; *мяхан суурга* букв. мясной замок 'сидящий дома, сторож дома'; *булхайнь булшангаар гараха* букв. надувательство через мышцы выйдет ≈ шила в мешке не утаишь; *хоёр нюуртай* букв. с двумя лицами и т.д.

Рационалистическая положительная оценка в ФЕ: *ажалда андагааритай* букв. к труду с азартом; *гартаа дүйтэй* букв. в руках с навыком и т.д. Отрицательно-оценочны *залхуугай аман забалтаа хүрэхэгүй* у ленивого рот до полки не дотянется; *саарһан хорхой* бумажный червь; *саарһа эрээлхэ* букв. бумагу чертить ≈ бумагу марать; *албан хойрог* букв. служба бюрократическая.

Критерий отрицательной эмотивности ФЕ данной группы общепринят и разделяется всем обществом, поскольку он отражает несоответствие объекта оценки принятым этим обществом морально-этическим, эстетическим или утилитарным установкам.

В создании оценки активное участие принимают зоонимы и соматизмы.

Положительная характеристика дается через образы овцы *хонин*, червяка *хорхой*, коня *морин*, тигра *бар*. Преимущественно общая отрицательная оценка дается человеку через образы свиньи, червя, козла, собаки, змеи. Большая часть ФЕ с соматизмами несет отрицательную (этическую оценку), а также используется и при положительной характеристике. Так, наблюдается тесная связь эстетического и этического начал в бурятском менталитете.

Результаты концептуализации действительности распределяются по некоторым более или менее четко сформированным группам – категориям. Категория рассматривается как системообразующий фактор по отношению к концептам.

Отрицательно-оценочные ФЕ основываются на таких когнитивных метафорах со значением 'плохо', как низ, смерть, черное, черт и т.д., восходящих к архетипам «нижний», «темный», «смерть». Они вызывают у человека

страх, как подсознательную реакцию на подобные образы в связи с ощущением опасности. Тематическое рассмотрение позволило распределить отрицательно-оценочные ФЕ по следующим семам:

1. «Источник угрозы»: *хүзүүнэй бугуули* ≈ ярмо (хомут) на шею; *хилгааһанай эрмэг дээрэ* ≈ на лезвии ножа; *хорото шарын үүр* осиное гнездо и т.д. ФЕ о лишении жизни: *ами гол таһалха* прервать жизнь; *зүб болгохо* букв. правильным сделать – убить; *эльгэ амаар шахажа гаргаха* букв. печень выдавить через рот – убить.

«Обман»: *арба худалдаха* букв. десять раз продать – во много раз превосходить в чем-то; *уһан дээрэ үрмэ хушөөхэ* букв. на воде молочную пенку настаивать ≈ зубы заговаривать; *һолоомо хабшаха* букв. солону вставлять привирать; *хоёр нюуртай* двуличный и т.д.

3. «Подлость»: *хоёрой хоорондо хоро хаяха* букв. между двумя яд бросать – рассорить; *нүхэ малтаха* букв. яму копать – готовить кому-либо опасную ситуацию; *нюрганда хэлэхэ* – говорить за спиной и т.д.

4. «Подстрекатель»: *хүнэй гараар могой бариха* букв. чужими руками змею брать ≈ чужими руками жар загребать; *бүглэрһэн дээрэн шааха* букв. подавившегося ударить ≈ падающего подтолкнуть и т.д.

5. «Действие или событие, ведущее к тяжелым последствиям»: *гал дээрэ дари хаяха* букв. в огонь порох бросить; *хоёрой хоорондо яһа хаяха* букв. между двумя кость бросить; *бурханай хамарта тамхи хэхэ* букв. в нос богу табак положить и т.д.

6. «Крайняя степень зла» ассоциируется с коварным животным, темными потусторонними силами: *шүдхэр абаг* черт возьми; *харада даруулха* букв. быть подавленным черным – видеть кошмарный сон; *шоньон хүнһэн болохо* букв. стать пропитанием волка и т.д.

7. «Препятствие к действию»: 1) «Неуспех» – *үхэхэн шабгансаһаа унгаһа эрихэ* умершую монашку просить испортить воздух; *шалбаагта нууха сесть* в лужу; *һанаан байгаад, һоёо хүрэхэгүй* букв. желание есть, а клык не доходит; *тараг бүрихэгүй* букв. тарак не сделать ≈ каши не сварить и т.д.; 2) «Трудноразрешимый, труднодоступный»: *олон тарбаган ношодоо багтахагүй* букв. много сурков в ружьяди своей не поместятся; *хамараараа газар хадхатараа* ≈ до упаду; и т.д.; 3) «Безысходность», депрессивное состояние: *эльгээ хүмэрюулхэ* букв. печень уронить – быть в печали; *уруу духа болохо* букв. вниз затылком стать ≈ голову повесить и т.д.; 4) «Ограничение свободы»: *һабарта орохо* ≈ попасть в лапы; *далая ишигтэхэ* крылья намочить и т.д.; 5) «Несправедливость»: *нюрган дээрэ нууха сесть* на спину; *үмдэгүйн үбдэг соорхойдоо өөдэрхэбэ* сам без штанов, а смеется над тем, у кого дырка на коленке; *сарбуу шүүрэхэ* букв. хватать за запястье – желать еще большего и т.д.

8. «Некрасивое»: *горьё улаан нюдэн* букв. подобно прыжке красные глаза; *үлхэй яһан* связка костей; *арһа яһан* кожа да кости и т.д.

9. «Бесполезное, плохое»: *нохойн годон* букв. шкурка с ноги собаки; *нохойн наадан* собачья игра; *эмээлэй хойто бүүргэ* задняя лука седла; *дэгэлэй хоһон гол* букв. пустой стержень от дэгэла; *нохой таһалха* собаку подковать и т.д.

10. «Ограниченность, недалекость»: *уһан тархи уусаһаа эдюултэрээ мэдэхгүй* букв. водяная голова в неведении до тех пор пока не съедят с крупа; *ухаандань ухана үхэнэн* букв. в уме козел умер и т.д.

Нарушение или несоответствие общечеловеческой шкалы этических, социальных и моральных норм поведения (включая социальный статус человека) обуславливает *пейоративную оценку*.

Пейоративность – свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику пренебрежения, неодобрения, презрения, уничижения, критики и порицания в адрес представителей социума, чье поведение, поступки или личностные качества выражают явное отклонение от моральных и социальных норм общества; характеристики, которые могут быть подвержены изменениям изнутри, но не извне. Выделяются два макроконцепта: «Аморальное поведение» и «Асоциальное поведение», смыслообразующие составляющие категории пейоративности. Пейоратив выражает объективно негативную оценку:

Аморальное поведение: лживость – *хүнэй хара барагдахагүй* – людское коварство неисчерпаемо; *нюур шарайшалха* заглядывать в лицо; жадность – *оёргуй хототой* – бездонный желудок; *эдеэнэй дарамта* обуза для пищи и т.д.; трусость – *өөрүнгөө һүүдэрһээ айха* – бояться собственной тени и т.д.; завышенная самоидентификация – *баатартаа найдажа, бахада хазуулба* – надеясь на свое геройство, укушен лягушкой; *бүднэ бүхөө гэршэлбэ* – перепелка силу свою засвидетельствовала и т.д.; глупость – *тугаар гараһан тугал* только что родившийся теленок; *тэнэг замбаа* глуп как замбаа (род каши из поджаренной муки) и т.д.; невоспитанность – *тэжээһэн буруу тэрээ эбдэхэ* букв. вскормленный теленок телегу ломает; *эсэгэһээ урид түрэнэн* букв. раньше отца родился и т.д.; эгоизм – *хара бэээ (тархья, хамараа) хараха* думать только о себе и т.д.; бесхарактерность – *ноһаа (уралаа) һанжуулха* сопши (губы) развесить и т.д.; безответственность – *тархиингаа (сабдигшанайнгаа) хазайһан тээшэ* букв. куда голова (дух местности) повернет.

Асоциальное поведение: развратное поведение – *хүхэ үлэгшэн* сивая волчица, сука; *хормойдоо һалхи хабшуулһан* букв. в подоле ветер зажавшая и т.д.; нарушение законов – *арһын хуулаха* – шкуру содрать; *шархиень хатааха* букв. чирки сушить (кому-либо) – лишить жизни; *гал гуламта худхаха* букв. огонь очаг разворошить и т.д.; нарушение общественного порядка – *архи хаарта эрьюулхэ (намнаха)* – пьянством, картами заниматься; *дой-бод сохихо* букв. шашки бить – заниматься плутнями и т.д.

Нарушение моральных и социальных норм, являющихся культурными универсалиями, вызывает осуждение и пейоративную оценку представителями данного социума.

Положительно-оценочные фразеологические единицы:

Тематическое распределение ФЕ о главных ценностях для человека, ярко показывает лингвокультурологическое значение данных единиц:

1. Жизнь: *улаан гольһе абарха* букв. спасти аорту – спасти жизнь; *хүл*

дээрээ бодохо статья на ноги (после болезни); *хул дээрэнъ табиха* поставить на ноги и т.д.

2. Семья и любовь – *дэрэ нэгэдүүлхэ* букв. подушки объединить; *дүрөө нэгэдүүлхэ* букв. стремена объединить и т.д.

3. Дети – смысл жизни: *үндэһэтэй модон хосорхогүй, үрэтэй хүн газар-тахагүй* дерево с корнями не погибнет, человек с детьми не потеряется и т.д.

4. Человек: *хүн болохо* статья человеком; *һайн хүн нүхэршэ* хороший человек при друзьях; *һайн хүн һанаагаараа* – хороший человек хорош своими помыслами и т.д.

В бурятском эпосе мужчина – добытчик: *һайн эрэйн алаад эдихэ ан / Муу эрэйн нюдэнэй хорхой бараха ан* (Амагалан Богдо) – хороший мужчина добывает зверя, плохой мужчина только с завистью смотрит на зверя. Основологающая характеристика мужчины, находящегося в поиске, видится в ФЕ *Эрын яһан хээрэ, агтын яһан аянда* ‘смерть мужчины в пути’. Положительной считается женщина, занимающаяся домашним хозяйством, очагом, детьми (*һайн һамган гэрэй наран* и т.д.).

5. Духовность приоритетна в жизни человека: *һураһан далай һураагүй байл* – ученье свет, неученье – тьма; *нэрээ хухаланхаар, яһаа хухарһан дээрэ* – лучше кость сломать, чем имя опозорить и т.д.

6. Труд: *ажалгүйгөөр алганаһье барихагүйш* без труда и окуня не поймашь; *ажал хэһэн ама тоһодохо* букв. у работающего рот в масле и т.д.

Приведенные ФЕ относятся к книжному пласту. Книжную окраску придают, с одной стороны, лексические единицы книжного характера (*эрдэм наука, ученость, эрхим бэлиг* замечательный дар, *нүгэл грех* и т.д.) и нейтральные слова в составе самих ФЕ (*адууһа мал* скот, *гар* руки, *баян* богатый, *улаан гол* аорта и т.д.), и, с другой стороны, дидактический, философский тон выражений, а также контекстуальное окружение со словами книжной окраски. Положительная оценка распределяется по следующим группам:

1. Рационалистическая оценка.

гартаа дүйтэй – с навыками в руках; *дээдэ гарай* высшей квалификации; *онһыннь олохо* понять суть и т.д.

Главная задача человека – поставить детей на ноги, привить навыки для жизни – *гарынъ ганзагада, хулынъ дүрөөдэ хүргэхэ* букв. руки до тороков, ноги до стремян довести; *унаган болохо* букв. жеребенком стать – овладеть хорошо каким-либо языком.

2. Этическая положительная характеристика:

унаган нүхэр друг детства, закадычный друг; *эрэ хүн досоогоо эмээлтэ хазаарта мори багтаадаг* мужчина внутри оседланного коня вместит; *хэлэһэн үгэдөө хүрэхэ* сдержат слово; *хүн ахатай, дэгэл захатай* у человека должен быть старший, у дэгэла – ворот – ворот и т.д.

3. Эстетическая оценка (положительная) выражается незначительным количеством ФЕ гендерной характеристики. Привлекательность женщины преимущественно связана с приятными ощущениями от вкусной еды, приносящей гедонистическое наслаждение: *алим жэмэс шэнги* словно ягода;

монсогор улаахан круглая красенькая; *өөхэн соохи бөөрэ шэнги* как почка в жиру и т.д.

Общее понимание эстетического начала отражается в ФЕ *шэхэнэй шэмэг* украшение для ушей – приятно для слуха, *нодэнэй хужар* для глаз удовольствие – смотреть приятно.

Незначительное количество ФЕ этой группы объясняется тем, что для характеристики внешних данных существует богатый лексический фонд, а также таким экстралингвистическим фактором, который заключается в сдержанности проявления чувств монголов, в отсутствии традиции открыто восхвалять красоту женщины или мужчины.

Высокочастотны оценочные ФЕ с образами животных, соматизмами, положенными в основу ФЕ. При этом образы верблюда, собаки, свиньи, козла наглядно выражают отрицательную, в основном этическую, оценку человека, отражая отношение бурят к этим животным. Положительны образы коня и мужчины, которые всегда в дороге, в движении.

Универсальны общечеловеческие оценки в ФЕ, в основу которых положены образы ветра, связанного с легкомыслием; языка, как орудия, показывающего превосходство над кем-либо; костей, связанных с крайним истощением, что плохо; универсальны образ сердца как символ храбрости и ассоциация внешней привлекательности женщины с приятными вкусовыми ощущениями и т.д.

В большинстве случаев ФЕ квалифицируют отрицательные признаки, связанные с нарушением правовых, морально-этических, социальных правил и нормативов. Другие ФЕ отражают несоответствие некоторых объектов действительности эстетическим или утилитарным требованиям общества. Данный факт подтверждает известное положение о том, что выбор признаков, на основе которых формируется предметно-логический план содержания, определяется социально-обусловленным процессом познания объективного мира.

Нейтральные фразеологические единицы:

Нейтральные, безоценочные ФЕ объективно называют какие-либо ситуации, явления, предметы:

Глагольные ФЕ: *ама халааха* букв. рот согреть ‘накормить’; *ами даруулха* жизнь поддержать; *зөөлэн бүхэдэ дшилдэхэ* букв. быть побежденным мягким крепышом ‘уснуть’; *хаяа хадхаха* букв. стены проткнуть ‘жить по соседству’ и т.д. Субстантивные ФЕ: *ара тала* тыл; *улаан сурба* ≈ куча мала ‘много детей’; *бүдүүн хузуун* хорек и т.д. Наблюдения показывают незначительное количество или даже полное отсутствие нейтральных атрибутивных ФЕ, т.к. компоненты обязательно оценочны, экспрессивны (*шүдэ хагсама* зубы стынут; *шонын зуурама* собачий холод и т.д.). Глагольно-пропозиционные (со структурой предложения) ФЕ многочисленны: *нохойн дуун ойртобо* букв. собачий лай приблизился – конец путешествию; *саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө* всему свое время и т.д.

Полисемичные ФЕ выражают ту или иную оценку в контекстуальном

окружении. ФЕ имеют нейтральную окраску, будучи терминологическими единицами (по отношению к животным).

Таким образом, в силу основной функции нейтральных ФЕ, констатации каких-либо фактов, явлений, они могут использоваться во всех стилях языка. Отмечается независимость их употребления от какого-либо жанра.

Таким образом, эмоционально-экспрессивная оценочность антропоцентрична, тесно связана с принадлежностью ФЕ к определенному функционально-стилистическому разряду, что может быть выявлено по тематически стержневому слову ФЕ, оценка может быть выражена эксплицитно и имплицитно, за счет контекстуального окружения.

Глава IV «Функции фразеологических единиц как художественного средства» посвящена анализу функционирования ФЕ узуально и окказионально, без изменения и с изменением.

§ 1 «Реализация ингерентной выразительности фразеологических единиц» раскрывает исконную, первоначальную, выразительность ФЕ, способы и приемы их включения без структурно-семантических трансформаций в контекст художественных произведений.

Так, выделяется изобразительно-оценочная функция ФЕ, как в авторской речи, так и в речи персонажей, когда ФЕ наиболее ярко проявляет образность и оценку одновременно. Этот тип функционирования ФЕ реализует абсолютные выразительные свойства ФЕ.

В авторской речи положительная оценка характеру персонажа передается через образ животного: *Тийхэдэ хэбтэһэн хони бодхоожо шадахгүй даруу номгон зантай, найхан сэдхэлтэй...* Ш.-Н. Р. Цыденжапов. Тэһэрэлгэ. – Не может поднять и лежащую овцу, мягкая, добрая...

Отрицательная оценка передается через ФЕ, в основе которой лежит сравнение процесса говорения с процессом обработки кожи специальным инструментом – скребком для выделки кожи (глагол *хэдүүргэдэхэ* от *хэдэргэ*). ...*Ама халамгай Ябагшан орожо, хэлэ амаа хэдүүргэдэхэ ханаатай ялтагашаба.* М. Осодоев. Заха холын хаямхада. – ...Подвыпивший, кривляясь, Ябагшан зашел с целью поточить лясы.

Изобразительно-живописующая функция фразеологических единиц позволяет автору передать свои чувства наглядно, в форме образных предположений, но без оценки.

Такие ФЕ в авторской речи, как *хормой гэхихэхэ* букв. на подол наступать о рождении детей друг за другом; *хормойгоо шуугаад* букв. завернув подол ≈ засучив рукава и т.д. создают наглядные картины, сценки из жизни. См. контекст: ...*Тунтүү хэлээ таһа хазажархиһандал, абя гарахаяа болишобо.* Д. Батожабай. нэшхэлһини хаанаб? – ...Тунтуу, словно язык откусил, замолчал.

Применение нескольких ФЕ позволяет автору более полно охарактеризовать описываемый предмет, создать целую картину:

Мүн ходо уур сухал урьяжа, улха матаар шэнги улхайшоод ябадаг хатуу харьяд зантай дээрэнэ хэрүүлээ хэдэр сэдхэлдээ дарагда дарагдаһаар, арһа яһандаа няалдаһан хатайр туранхай бзетэй болошоһон аад... Б. Мунгонов.

Хараалша Хархандай, Хатуужахан Жолбоон. – Бывают и такие... горластые, вечно злящиеся, надутые (как напływ на дереве), подавленные собственным тяжелым нравом, склочной душой, ставшие тощими, кожа да кости.

Особенности функционирования паремиологизмов также отражают выразительные свойства данных ФЕ. При включении в контекст паремиологического ФЕ их лексический состав может оставаться неизменным, постоянным. При этом наиболее часто встречается конкретизация значения. Например, *Хажуудань хууһан басаганай дүмүүхэнээр түлхихэдэнь, Дампил олбогод гээд, «яарахадаа даараха» гэдэгтэл дүгдэгэшин бодоходоо, стүлээ унагаажархиба*. Ц. Цырендоржиев. Талын зүргэнүүд. – Когда рядом сидящая девушка осторожно толкнула, Дампил вздрогнул и, как говорят, «поспешишь – людей насмешись», резко встал и уронил стул.

Связь с контекстом осуществляется посредством подчинительного союза (от гэхэ 'как говорится' или 'подобно тому'): *Гүйхэ нохойе гүйхэгүй нохойнь наатуулба гээд, манай бурядууд гэлсэдэг гээшэ...* Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Наши буряты говорят, что собаке, которая хочет бежать, мешаёт собака, которая не будет бегать и т.д. Паремиологизм выполняет функцию придаточного предложения в сложном предложении.

Излюбленным приемом усиления выразительности контекста у авторов является параллелизм, с употреблением в одном контексте известного паремиологизма и окказионализма:

Урданай сагта хүнүүдэй хэрбээ: «Аарса уулга – аргамжа томолго бэшэ», – гэжэ шоглодог заншалтай байһан хаань, харин мүнөөнэй сагта: «Шүлэг бэшлэгэ – шүрэб тошилдолго бэшэ»... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – Если раньше, шутя, традиционно говорили: «Арцу пить – не веревку вить», то сегодня говорят: «Стихи писать – не шуруп точить»...

Паремиологизмы оживляют высказывание, создают психологический настрой, служат отправной точкой для начала высказывания, развития темы, являются заключительным выводом, используются для обобщения сказанного.

Ритмическая и фоноэстетическая организация фразеологических единиц описывается нами как особый фактор выразительности. Например:

Ташааһаань ташуур үлгэхөөр (туранхай) букв. к бокам кнут повесить можно (тощий); *хүсэжэ ядаад хусаха* букв. не в силах догнать лает – злопыхательствует, будучи неспособным достичь успехов; *хорондо хорон, хошоногто өөхэн* букв. яду яд, кишке – жир = каждому свое и т.д.

Выразительность придает сочетание аллитерации с рифмой: *татаа хаа таһаршагүй, матаа хаа матаршагүй* потянешь – не порвется, погнешь – не гнется 'крепкий'; *хүндэ хэлүүлэнгүй, нохойдо хусуулангүй* букв. чтобы люди не осудили, собаки не облаяли (нужно жить так) и т.д.; синонимов с повтором: *һохорые бархируулха, һорогы мөөрүүлхэ* букв. заставляя слепого плакать, безрогого мычать – обижать кого-либо; сочетание повтора с антонимами: *һураһан далай, һураагүй балай* учение – море, неученье – тьма, невежество; сочетание аллитерации с синонимией: *шандаганай шабардама, шанагын зогсомо* зайцу можно завязнуть, ковшику можно стать (такой густой чай);

сочетание аллитерации с повтором: *шоно эшэгэндээ зүб, шолмос шүдхэртөө зүб* волк для ягненка прав, ведьма для черта права; *һүүдэрээрээ нүхэр хэһэн, һүүлээрээ минаа хэһэн* тенью друга сделал, хвостом кнут сделал и т.д.

Близость к народному, фольклорному, языку демонстрируют ФЕ с аллитерацией и повтором слов и словосочетаний:

Хэрбээ би министр наа, директор ноёнишнь дуудуулжа асараад, яһанайнь ялтайса, хабһанайнь хабтайса хараахал һэм... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – Если бы я был министром, вызвал бы директора, начальника и отругал бы в пух и прах и т.д.

§ 2 «Реализация адгерентной выразительности фразеологических единиц» раскрывает их потенциальные выразительные качества, а также то, какие приемы и способы используются писателями для усиления выразительности контекста. ФЕ могут бытовать *без структурно-семантических изменений*, но с особыми приемами включения в контекст.

Так, в один контекст могут быть включены *ФЕ разных функционально-стилистических пластов*:

...Тэрэ нохойн түрэлые урилуулаа гээл даа, – гээд, Майтагсаан бодолгодо абтажа, томоотойгоор дуугарба, – тээд өөрөө түрмэдэ орожо зобохолши даа. – Түрмэ соо шархяашье хатаагуужаб.... Б. Ябжанов. Эртын шүүдэр. – Ну, допустим, отправим к праотцам ту собаку, – задумчиво, степенно сказал Майтагсан. – Пусть я откину копыта там...

Надо заметить, что для языка бурятской художественной прозы характерна низкая частотность случаев столкновения ФЕ разных стилистических пластов. Писатели стремятся к единообразию стиля.

Одним из интересных приемов включения ФЕ является *соположение синонимичных ФЕ и свободных словосочетаний и лексем*. При этом отмечается функция уточнения. Например:

Хара мэхэ, хорон сухал, үһөө хиһаа сэдьхэлдээ хаажа ябана. Могойн эрезн газаагаа, хүнэй досоогоо гэлсэдэг һэмнай. М. Осодоев. Орхигдоһон худагай хажууда. – Лишь коварство, яд, злоба, места скрывает в душе своей. Говорят же, змеи пестрота снаружи, человека – внутри.

Экспрессия усиливается при завершении контекста сравнительным оборотом:

Аман соогоо уһа балгажархёод, газаашань турьяхашье, саашань залгихашье эрхэгүй болошоод байжа байһандал... Алтанхан самсата абяа шэмээгүй... Амаяа энээхэн артелиин эгээл һайн сабуугаар сабуудуулжа, нялгажархёод байһандал... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – Словно в рог воды набрал, и не может ни выплунуть, ни проглотить... Золотая рубашка без звука... Словно лучшим клеєм этой артели рот ему замазали, заклеили...

Материал показывает создание контекстуальной синонимии ФЕ, узально не синонимичных. Стилистический прием амплификации, один из видов градации, заключающийся в перечислении синонимичных, сходных определений, сравнений с усилением их эмоциональности и экспрессивности часто используется бурятскими писателями. При этом ФЕ, участвующие в со-

здании амплификации, являются доминантой этого стилистического приема. Суть восходящей амплификации заключается в том, что ФЕ, замыкающая ряд (или несколько ФЕ), наиболее эмоционально и экспрессивно выражает общее значение, присущее всем компонентам ряда.

Ши хүн зоншиг иигээжэ мэхэлжэ, холо ошохогүйш! Булхайшни булшангаараа бултайхал байха. Шабар дээрэ шалд нуухадаа ханаа орохош! Ц.-Ж. Жимбиев. Гал могой жэл. – Ты, так обманывая людей, далеко не пойдешь! Обман твой вылезет наружу. Опомнишься, когда сядешь в лужу. ... *Унаһан малгайгаа абангүй, хамараараа газар хадхатараа ажаллаһан байгаа.* Х. Намсараев. Үүрэй толон. –... Работали, не поднимая головы, чуть не падая носом в землю и т.д.

Нанизывание фразеологических единиц, т.е. употребление более двух-трех ФЕ, даёт возможность обрисовать объект со всех сторон, полнее характеризует его.

Хүндэлэндэ хүлөө хэлсэхээ болш, эмээлэй «хойто бүүргэ» болоһон хойноо амая хараад, арһаа хэдэрээд нууг лэ! Б. Ябжанов. Һэшхэлэй олзо. – Пусть перестанет поперек ноги вставлять, вмешиваться после того, как стал задней лукой седла, пусть за собой только смотрит, накинёт шкуру на себя и сидит! и т.д.

Рассмотренный прием демонстрирует нарастание степени напряженности обстановки, атмосферы, психологического состояния человека во внутренних монологах или диалогах, характеристику персонажа.

Антитеза – стилистическая фигура, служащая для выразительности речи путем резкого противопоставления мыслей, образов. Обычно антитеза строится на столкновении лексических или фразеологических автонимов, если амплификация подчеркивает то различное, что содержат в себе синонимические слова и ФЕ, то антитеза подчеркивает то общее, что содержат в себе противоположные по смыслу слова и ФЕ.

Соположение антонимичных фразеологических единиц и лексем и свободных словосочетаний:

Юундэ амаа хаташабаши?! Ы? Хулааг баядые харааха болоходоо, хэлэ амала бүлюудэшидэг... С. Цырендоржиев. Шобоодой. – Почему у тебя язык отсох? Ы? Как начнешь ругать кулаков богачей, так лясы точишь, слышно бывает, как ты радуешься, суетишься.

Антонимичными становятся единицы, таковыми не являющиеся узуально, вне контекста. Например:

Заримадайн ханал задагай үүжам байха, нүгөөдүүлэйхинь далан долоон хүняадаһатай... М. Осодоев. Заха холын займхада. – У некоторых помыслы широки, открыты, других – семьдесят семь складок замучают (≈ семь пятниц на неделе).

Повтор фразеологических единиц приближает художественный текст к разговорному стилю. Повтор осуществляет связь между отдельными мыслями, образами, при контрасте содержания которых эффект воздействия на читателя растёт в ещё большей степени. Употребление повторов-возвратов

вызывает спиральное разворачивание фразы с опорой на слова или конструкции, обрамляющие и как бы «подхватывающие» повествование. Повторы-подхваты служат аналитической расчлененности мысли в сложных по внешнему виду периодах, например:

...Түсэбэй дүүргэлтые буруу хүргэхэдөө болохо... Буруу хүрэхэдэнь, зарим нэгэнэй улаан сурба үхибүүд гэдэһээ үлдэхэдөө магад. Д. Эрдынеев. Ехэ уг. – ...Может нарушиться выполнение плана... Если нарушится, у некоторых дети начнут голодать и т.д.

Функционирование фразеологических единиц со структурно-семантическими изменениями усиливает выразительность, экспрессивность как самих ФЕ, так и контекста.

В **трансформации фразеологических единиц проявляется системность языка**, что показывает наш материал в полной мере.

Системно-языковая специфика ФЕ (т.е. способность к разноуровневому варьированию) лежит в основе их индивидуального преобразования, которое по своей сути есть не что иное, как то же самое варьирование, но вызванное к жизни определенными речевыми контекстами-ситуациями. Сравним:

Буруугайнгаа хорёо эмдэжэ, Бизьяа үүримни холо наагуур газар үзэжэ эхилхэнь хаям... С. Цырендоржиев. Убгэдтэ – мэндэ. – Сломав ограду теленка, мой ровесник Бизьяа начнет изучать ближние и дальние земли... Здесь преобразование ФЕ *буруугай бэлиээрһээ гараагүй* мотивировано контекстом.

Из более чем 1600 рассмотренных нами употреблений ФЕ в художественных произведениях наблюдается около 400 случаев различного рода преобразований. Трансформация структуры ФЕ предопределяется самой их природой, объединяющей два противоположных признака: узуальную структурно-семантическую устойчивость и актуально-функциональную вариантность. Легче и проще всего изменяют семантику и компонентный состав фразеологические единства, мотивированность внутренней формы которых позволяет писателям возвращать этому разряду фразеологизмов первичный, буквальный смысл, восстановить их фразеологический образ, изменять лексемный состав: производить замены, распространения и опущения тех или иных компонентов.

Наибольшая подверженность трансформациям отмечается у фразеологических выражений, что обусловлено свободной связью между компонентами данных ФЕ, и наименьшая – у фразеологических сращений.

Распространение фразеологических единиц – наиболее частотный способ усиления выразительности ФЕ. Компоненты ФЕ дистанцируются за счет введения дополнительных слов, например, у Д. Батожабая:

ФЕ *нюдэндөө галтай* ‘с огоньком в глазах’ преобразуется следующим образом: *нюдэдтэ зулын гал носошон мэтэ* – словно в глазах загорелся огонек (перед богом в божнице); *нюдээ гансата галтай болгожо* – глаза вдруг сделал с огоньком; *харахан нюдэнзһинь хэлшэсгүй мээхэй гал* – невыразимый нежный огонь черных глаз и т.д. Здесь наиболее полно достигается коммуникативная цель – отразить эмоционально-субъективное отношение автора к своему герою: *зулын гал* (будд.) – это огонек лампадки перед образом бога.

Распространителями ФЕ могут быть словосочетания, имеющие функцию обстоятельства, они могут быть выражены числительными, как, например, в контексте *толгойнь үһэн нэгэ нэгээрээ өөдөө бодожо байһандал үзэгдэбэ* – показалось, что на голове волосы стали подниматься по одному. Введенные в состав ФЕ наречия также помогают конкретизировать ситуацию, более образно передавая эмоциональное состояние героя: *толгойнь үһэн аргаахан өөдөө бодожо захалба* волосы на голове тихонько начали подниматься; *нэгэтэ халбагын лаб хахархые боро ухаандаа тухайлба* – предположил, что однажды окончательно рассорятся (букв. ложка расколется). Резко уничижительный оттенок приобретает ФЕ *үримнай үһэнһөө ехэ* букв. долгов наших больше чем волос, когда ФЕ получает распространение в контексте: *Үри бөөһэн хоёрһоо зайсахаяа болиһоноо мэдэдэг бээзи.* – Ты знаешь ведь, что никак не отойдешь от долгов и вшей.

Введение существительных усиливают экспрессию: ...*Алта мунгөөрөө ама хамараа таглалсажа байна гэжэ хэлсэнэ.* Х. Намсараев. Үүрэй толон. – Говорят, золотом, деньгами рот, нос затыкают друг другу. Здесь преобразована ФЕ *ама таглаха* ‘заткнуть рот’ до формы ‘золотом, деньгами рот, нос затыкают друг другу’. *Амаа элһээр тагла* саашаа... Ж. Тумунов. Алтан бороо. – Рот свой песком заткни и т.д.

Введение прилагательных способствует усилению качественной экспрессии: ... *Айшиад бултадаа амаа һайн халажа* ... Х. Намсараев. Үүрэй толон. – Гости все хорошенько захмелели... Начальная форма *амаа халаха*.

Введение глагольных форм, оборотов делают более интенсивным определение, обстоятельство: ...*Нёлбоһоёо һөөргэнь абажса залгаагүй ябадаг харуу хомхой хүнэй*... Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Жадный до того, что плевок обратно проглотить может... Начальная форма *нёлбоһоо һөөргэнь амандаа хэхэ*. Здесь введены: деепричастие *абажса* взяв + причастие с отрицательной частицей *залгаагүй* (чуть) + *ябадаг*. У Ч. Цыдендамбаева также встречается данная ФЕ: *Юундэ нёлбохоёо нёлбоһон аад лэ, тэрээхэн нёлбоһоёо абаад, һөөргэнь амандаа хэхэз байха болоо гэшиэбта?* Холо ойрын түрэлнүүд. – Почему вы сплюнуть сплюнули, и этот плевок обратно в рот берете? и т.д.

Введение наречия интенсифицирует качество и обстоятельства, при которых протекает действие: *Хэлэ амаяа хооһоор бүлюудэнхаар*... С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ. – Чем впустую точить языки... и т.д.

Хүсэжэ ядаад намайе / Хусаба гэжэ бү бодогты... (Халзанов, с.41). – Не думайте, что я лаял потому, что не мог догнать... Ср.: *хүсэжэ ядаад хусаха* букв. не в состоянии догнать и лаять. Здесь в контекст введено местоимение *намайе* меня, т.е. произошла конкретизация образа.

Замена лексическая усиливает также эмоционально-оценочную окраску языка художественных произведений, благодаря чему разрушается стандарт в использовании ФЕ, и они обновляются. Цель такой замены – актуализация контекста, усиление стилистической нагрузки контекста. В исследуемом материале количество случаев употребления ФЕ с заменой компонентов составило около 36% от числа всех трансформированных ФЕ.

Так, в романе-трилогии Д. Батожабая встречаем: *уна шудхаһан зумба-раан шэнги* (как мокрый суслик) вместо *уна шудхаһан хулгана шэнги* (мышь). Вм. традиционной ФЕ *хүгшэн шоно* 'старый волк' – *хүгшэн үнэгэн* (старая лиса), *хүгшэн нохой* (старый пес). Вм. *бүлхи залгиха* (жилу проглотить) ≈ 'пилюлю проглотить' – *яһа залгиха* (кость проглотить) и т.д.

У Ж. Тумунова: *Хүсээжэ ядахадаа хараахаа болишты гэбэ*. Алтан бороо. Начальная форма ФЕ *хүсээжэ ядаад хусаха* 'злиться, что не можешь догнать кого-л.' относилась непосредственно к лаю собаки, затем, метафоризируясь, стала характеризовать психологическое состояние, поведение человека, который не в силах достичь таких же успехов, как другие, от бессилия может только злиться. В обновленной форме использован глагол 'ругать'.

...*Олон табые найдуулаад, / Үгэдөө хүрэнгүй арсаха бэшэ* (Раднаева, с. 67) – Много раз обнадеживая, не сдержав слова, спорить не буду; ср. *олон табые хэлэхэ (шашаха)* болгать много. ...*Эзэгүй аман байна гэжэ доржогонохоо боли!*... М Осодоев. Баршуудхын дүүхэй; ...*Хүндэ бүхэдэ диилдэшоо һэн*. М Осодоев. Заха холын займхада. Заменено прилагательное *зөөлэн*; *Шүүдэнги болотороо һогтошохон шүүдэнэй техник*. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – Зубной техник, опьяневший до состояния полусырого мяса. Заменено слово *мяхан* мясо (начальная форма – *мяхан һогтуу*) на *шүүдэнги* полусырое, с аллитерацией и т.д.

Образуется новая синтаксическая связь между словами, сопровождаемая пересмыслением семантики преобразованной ФЕ.

...*Үргэ аманини гэжэ үүрэжэ адашахоор*... Х. Намсараев. Жаргалай түлхюур. – О твой язык можно порезаться. Ср. *Үргэ аманинь үлирбэ хайша шэнги*.

Өөрынгөө тархиин хандагай тухай мартаад, хүнэйхидэ хюурһа бэдэр-хэмнай ямар агшаб... Д. Эрдынеев. Ехэ уг. – Забыв о лосе на своей голове, ищем гниду на чужой... и т.д. Всего таких случаев – около 140 единиц.

Эллиптирование и компрессия – структурная «неполнота» синтаксической конструкции, т.е. пропуск компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста, причем смысловая ясность обычно обеспечивается смысловым или синтаксическим параллелизмом (так называемый контекстуальный эллипсис); отсутствие какого-либо компонента высказывания легко восстанавливаемо из речевой ситуации.

Эллипсис обычно присущ разговорной речи, с ее конструкцией с «незамещенной» синтаксической позицией. Он обусловлен свойственной разговорной речи ситуативностью и наличием невербальных средств общения (жесты и т.д.). В исследуемом материале выявлено 16% употребления ФЕ, трансформированных способом элизии или эллипсиса.

Например, у Х. Намсараева: ...*Бурхан зайлуул, намһаал саагуур байг*... Бодинсы үбгэн. – ...Упаси боже, подальше от меня... Здесь усечению подверглась ФЕ *намһаа саагуур, наранһаа наагуур* от меня подальше, к солнцу поближе ≈ моя хата с краю. В поэзии также встречаем:

Дабаае гаталха / Далишье байжа болоо. / Даагаяа һүүндэхэ / Шадашье

байжа болоо (Д. Улзытуев.) – Перевал преодолеть, наверное, есть крылья, взять за хвост лончака есть силы. Ср.: *Дайсанаа дараад, даагаяа хүүлдээд бусаха; ...Хэлэ аманда орёолдоо болни, / хэн далдалха?* (Д. Улзытуев). – Кто защитит меня, если я запутаюсь в сплетнях? от начальной формы *хормойн ута хүл орёохо, хэлэнэй ута хүзүү орёохо* длинный подол ноги обвернет, длинный язык шею обвернет и т.д.

Эллиптированию закономерно подвергаются *фразеологические единицы со структурой предложения*: *Ай, бурхан зайлуул даа, газар дуулаг, гансахан эндээ хэлсээд болиё*. Х. Намсараев. Ури нэхэбэри. – Ай, боже упаси, земля услышит, только между нами, молчок! Полная форма: *газар дуулаг, гахай шагнаг* букв. пусть земля услышит, свинья услышит ‘никто не должен услышать’.

Высокая частотность этого приема в тексте драм связана с передачей устной разговорной речи с ее неполными предложениями, краткостью и т.д.

Фразеологическое выражение *нохор үхэртэ худаг бү үзүүлэ, хотуу хүндэ архи бү харуула* ‘слепой короле не показывай колодец, а пьяному – вино’ в усеченном виде: *нохор үхэртэ худаг заагуужа...* (Д. Батожабай. Зүжэгүүд). Так значение ФЕ сгущается, половина ФЕ выражает все фразеологическое значение – не следует делать того, что усугубило бы какую-либо неприемлемую ситуацию. А также *бууралай эдээнһээ ама хүрөөгүй* (Г. Цыденжапов. Пьесэнүүд) букв. седого от пицци не отведали; *тургэн түүхэй* (Ц. Шагжин. Пьесы) = поспешишь – людей насмешишь и т.д.

Эллиптирование фразеологических единиц со структурой словосочетания: выражение *нюуртаа үхэтэй, нюргандаа нооһотой* букв. с волосами на лице, с шерстью на спине ‘скот, животное’, претерпело приращение смысла, что дало возможность отрицательной характеристики человека. Новое значение *нюуртаа үхэтэй* (Д. Батожабай. Зүжэгүүд). – ‘ни стыда, ни совести’

Встречаются ФЕ с нулевой связкой, приближающиеся к компрессии:

... *Булхай булшангаараа* ... С. Цырендоржиев. Мүнхэ эрьесэ – обман мышцами; ... *Бухын хамар нюдаргаар*... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – нос быка кулаком; ... *«Уушханише хаа, мяхан»*... Д. Эрдынеев. Ехэ уг. – и легкие – мясо и т.д.

На основе эллипсиса возникает явление компрессии, сжатия структуры ФЕ до одного слова или до парного слова:

Заа, аха захаяа болиһон, дэмы табихан дээһэн, нула табихан хур болоһон үхин даһаа. С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ. – Старших не признает, зря положенная веревка, слабо (впустую) положенный ремешок; *Буряад хүн хадаа аха захатаяа хүндэлхэ...* Ц. Галанов. Хун шубуун. – Бурят должен почитать старших... и т.д.

Ама халаха → *архидаа садааггй халамгайшуул*... Ц-Д. Хамаев. Базаарай харханууд. – не насытившиеся вином захмелевшие... . От *арһинь үбшэхэ* ‘шкуру спустить’ оставлен глагол, что подчеркивает напряженность контекста: ... *Өөрынгөө эзэнэй гэргэндэ үбшүүдхэээ лаб мэдэһэн* ... Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Она точно знала, что жена хозяина шкуру с нее сдерет ... и т.д.

Контаминация – образование нового слова или выражения путем скрепления, объединения частей слова или выражения одного семантического поля. *Алдажа ама гараа наа, Аригун Бүүбэйдэ аһагдахаб ...* Ж. Балданжабон. Бүргэд. – Если я проговорюсь, на меня накинется Аригун Бубей... *Ама алдаха+ ама гараха.* «... *амандаа ороһон сагаан хурьганай һүүл наһан соогоо хэлээрээ һөөргэнь түлхихэн амтаһиш!* Д. Эрдынеев. Уйлын үри. – Ты всю жизнь обратно выталкивала то, что само в рот шло! Здесь контаминировались две ФЕ: *Садахада сагаан хурьганай һүүл муухай болодог+ амандаа ороһые хэлээрээ түлхихэ* – букв. от сытости белого ягненка хвост становится противным+выталкивать то, что в рот попало.

Инверсия это такое изменение структуры ФЕ, когда нарушаются внутренние синтаксические связи. Низкая частотность инверсии объясняется следованием строгому порядку слов в предложении, присущим бурятскому языку.

В трилогии Д. Батожабая встречается в.м. *уһан толгой* букв. водяная голова – глупец: *Төөд нэгэ бага толгой соогоо уһатай* Илиодор... – Илиодор, у которого в голове имеется немного воды... *Тоһо, торгондо умбаһан, хульбэрһыеи харагшагуйб.* Г. Дашабылов. Харгын бэлшэр. – Не вижу, что бы ты как сыр в масле катался. Начальная форма: *тоһон соо умбаха, торгон дээрэ хульбэрхэ* букв. в масле бродить, на шелке валяться и т.д.

Повтор фразеологической единицы со структурными изменениями:

Галуу һажсааһан турлаагууд гээшэбди гэжэ ганса мүнөө хэлэнгүйш, ходо хэлэдэгиш! ... Тэрээхэн галуу һажсааһан турлааг тухайгаа дуугархая болёройш! Эрдынеев. Уйлын үри. – Не только сейчас говоришь, что мы вороны, следующие за гусями! Перестань говорить о тех воронах, уподобляющихся гусям!

Эдэнэй олонхинь үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө жажалха уушхан дээрэ гэжэ тоолодог хэн. Цэлхэй Цыренович хэр өөхыень шэлэхэ хаб даа? Ж. Балданжабон. Сэнхир хаданууд. – Большинство из них считало, что лучше синица в руках, чем журавль в небе (букв. сегодняшние легкие, чем завтрашний жир) и т.д.

Реплика-подхват употребляется в диалогической речи, на языковой состав которой влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Автор вкладывает в уста одного героя ФЕ, которая подхватывается другим героем-собеседником, а семантика обыгрывается тут же в диалоге. Например:

Тигээнгүйб даа, юрэдөө, Рабданай доктор болоо һаа, тэмээнэй тархихаа эбэр ургана бэээ, – гэжэ хэһыьб зоной араһаа шог хаяба.

...Тэмээнээ урид тэнэг хүнэй тархида эбэр ургадаг юм. Мүнөө энэ үгэ хэлэһэн хүнэй тэнэг бэишэ байгаа һаань: тэрэ тэмээнэй һүүл газарта хүүрүүжэ, тэхын эбэр тэнгэридэ хүүрүүжэ! – гэбэб. Д. Батожабай. Шалхуу Рабданай хөөрөөн. – Не верю вообще, если Рабдан станет доктором, на голове верблюда вырастут рога, – пошутил кто-то. ... Раньше, чем у верблюда, на голове у глупого человека вырастут рога. Если сказавший это человек не глуп, пусть у верблюда хвост достигнет земли, а у козла рога – до неба! – сказал я.

Зачастую в реплике-подхвате ФЕ подается в усеченном, трансформированном виде. Здесь довлечет такая черта разговорной речи, как влияние ситуативного момента, известного беседующим:

Алим бэ? Харагданагүйл! – Шэрэнги руу ороо! – хорьмоһоо харана бэшэ гүш даа! Ха-ха-ха... – Үгы даа, юу хорьмоһоо гэжэ?! М. Осодоев. Баршуудхын Дүүхэй. – Где? Не видно! – В чашу зашел! – Наверное, свои ресницы увидел! Ха-ха-ха... – Нет, какие ресницы?!

Одним из видов семантического преобразования является *двойная актуализация фразеологических единиц*, когда словосочетание функционирует одновременно и как свободное, исходное синонимичное словосочетание, и как фразеологизм: *Урданай хүн зэргэлээ хадьнгаашье саана хүсэд гаража харангүй, буруугайнгаа бэлшээри соо наһаяа дүүргэдэг байгаал даа...* Ц. Галанов. Хун шубуун. – В старину люди даже за ближнюю сопку не ходили, так и заканчивали жизнь на пастбище телят... .

Газарта гадаһа шаагаагүйб / Галдаа сусал нэмээгүйб (Д. Улзыгтуев). – В землю кол не вбил, в огонь головню не добавил. Ср.: *Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй* – Одна головня огнем не станет, один человек человеком не станет и т.д.

Антифразис заключается в том, что ФЕ употребляются в противоположном значении. При этом создается эффект иронии. Например, противопоставлены *эдэшэхэ – шүүһээ алдаха, ухаа орохо – ухаагаа гээхэ*, соответственно созреть – сок терять и ума набираться – ум терять в контексте из повести «Хүрьгэнэйдөө» С. Цырендоржиева: *«Мяхан бусалха бүрээ эдэшдэг, хүн үбгэрхэ бүрээ ухаа ородог», – гэжэ хэн нэгэнэй хэлэбэл, урбалдуулаад лэ орхихо: «Мяхан бусалха бүрээ шүүһээ алдаха, хүн үбгэрхэ бүрээ ухаагаа гээдэг».* – Если кто-то скажет «Чем дольше кипит мясо, тем больше созревает, чем старше человек, тем больше ума набирается», то обязательно перевернет: «Мясо с кипением сок теряет, человек со старостью ум теряет».

Окказиональные фразеологические единицы возможны только в определенном контексте для создания дополнительного стилистического эффекта. Например, выразительны, яркие ФЕ, созданные Д. Батожабаем: *нюур дээрэшни һүхэээ бүлюүдэхэ* на лице твоём топор будет точить; *уһашье адхабалнь, хоорондуурнай* гоожохогүй даже если воду будут лить, между нами не прольется. Данные окказиональные ФЕ образуются по аналогии с уже существующей в бурятском языке ФЕ *хэлээ бүлюүдэхэ* (точить язык); русской ФЕ 'водой не разольешь'.

Словосочетание *шуһа бүлэхэ* в контексте *хоро шараар шуһаяа бүлэн байгаа тэрэнэй зурхэн* выстраивает весьма впечатляющую по образности картину – 'его сердце, замешивающее кровь на яде' ...

...*Шэбэнэлдээн Ород посольствын гэшүүдэй дундуур урдаһан уһаһаа аргааханаар, ургаһан үбһэнһөө доохонуур таража захалаа һэн.* Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – (Шепот) 'текущей воды тише, растущего сена ниже' – по аналогии с русск. 'тише воды, ниже травы' и т.д.

Одновременно несколько видов изменений составляют *комплексную трансформацию*, высшую степень окказионального преобразования ФЕ.

Так, у Д. Батожабая ФЕ могут обыгрываться во всем контексте, разрываясь за счет распространения и замены компонента. Например, в следующем примере видим замену + распространение + контаминацию + инверсию. Обыгрывается значение русской ФЕ *не дели шкуру неубитого медведя* (вм. медведя заяц):

– *Шандага хараад, алаагүй аад, арһыень үбшээжэ байна бэиэ гүт?*

– *Хутагайал үгэгтэй! Шандага хараа бэиэ, шандагаяа амидьгаар барижка хүлээд, тэрэ гэр соотнай хаагаад байна бэиэ гүбди? ... энэ дорoo арһыень үбшэхэб! – гэжэ ... Гамбал ногтуурхана. Төөригдэһэн хуби заяан. – Увидели зайца, не убили, а шкуру сдираете уже? – Нож дайте! Не то что, зайца увидели, а живьем поймали, завязали, в том доме закрыли. ... Сейчас же шкуру сниму! – хвастался пьяный Гамбал.*

Двойная актуализация + повтор + эллипсис + замена: *Гэнтэ тэрэнэй ойлгомторгүй өөрынгөө дутуу сабишанан мүшэр дээрэ гэххэжэрхихэдэнь, тэрэнь гансата хухаршаба. ... Хэнишь өөрынгөө дээрэнь нууһан мүшэрье таһа сабишаха, гутааха, бузарааха ёһогүйл. Эхэ байгаалингаа бүхы хүн түрэлтэнэй дээрэнь нууһан мүшэртэл адли байһыень хэмнайшье бү мартаг. Ш-Н.Р. Цыденжапов. Нангин газар. – Когда он нечаянно наступил на недорубленную ветку, она сразу же переломилась. Никто не должен рубить, портить, безобразить сук, на котором сидит. Пусть никто не забудет, что природа-мать подобна суку, на котором сидит все человечество... и т.д.*

Таким образом, трансформация структурного облика фразеологизма вызывает обновление и семангико-стилистического содержания такой единицы и окраски её контекста. Нарушение привычных норм языка служит экспрессивности, а соотнесённость с первоначальным фразеологизмом сохраняется. Выявляется ингерентная (без структурно-семантических изменений) и адгерентная выразительность (позиционно обусловленная и с разного рода трансформациями) ФЕ. Надо отметить, что границы между разными способами стилистического использования ФЕ не совсем четки, расплывчаты.

В § 3 «Фразеологические единицы как средство метафоризации контекста» показывается одна из многообразных функций ФЕ, особенно ярко проявляющаяся в языке поэзии.

Входя пугём рассмотренных структурно-семантических преобразований в образные контексты, ФЕ встраиваются в более сложные с точки зрения различной информативности контексты, взаимодействуя с другими стилистическими приёмами, прежде всего – с тропами (метафорой, сравнением и т.д.).

Так, например, на базе приёма двойной актуализации нередко имеет место образование метафорического контекста: *Хүхигэрхэн түрьень бүтээжэ, / Хүхинүүлхэл байхабди Шэбэртээ. / Хундынгөө үрмье хүшөөжэл бай, / Хүхын донгодохы хүлээжэл бай* (Д. Улзытуев). Ср.: ФЕ *уһан дээрэ үрмэ хүшөөхэ* – 1. вести красивые речи, 2. говорить, приукрашивая действительность. Пря-

мое значение *үрмэ хүйөөхэ* – пенки молочные отстаивать, собирать (национальное молочное лакомство). Содержание контекста в следующем: шумную свадьбу играя, повеселимся еще в Шибире, уважения (угощения) *үрмэ* отстаивая, собирай, кукушки пеня дожидайся.

Подобный процесс нередко осуществляется по модели «название неодушевленного предмета + глагольная ФЕ со значением физического либо духовного действия человека», в результате чего создается развёрнутая метафора с олицетворением (часто в комбинации с образным сравнением):

Тамын жаргалыг досоогоо хабшаад, / танха соохи сэсэг гунхана (Г. Раднаева). – Ада счастье внутри зажав, в горшке цветок никнет. Ср. *тамын хүн тамада жаргалтай*.

Дугы бэшэ, онгосо болоод, / Дуратай хааш, далайда тамархаб (Г. Раднаева). – Если ты любишь, поплыву в море, став не мостом, а лодкой. Отметим начальную форму ФЕ – *дуратай мэлхэй далайе нэтэ тамарха* букв. влюбленная черепаха море переплывет и т.д.

Таким образом, экспрессивно-образный потенциал фразеологической единицы способствует усилению не только выразительности поэтического текста, но интенсификации, сгущению смысла. Так, специфика жанра поэзии обуславливает метафоризацию всего контекста.

В § 4 «Реализация лингвостилистических свойств бурятских фразеологических единиц в текстообразовании» рассматривается участие ФЕ в композиционно-стилистическом построении, то есть текстообразующие функции ФЕ (на материале бурятской публицистики).

Под функцией понимается способ участия языковых единиц в построении речи, в организации предложения и текста. Текст – это объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Связность, или когерентность, текста проявляется в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, соотносящихся между собой как форма, содержание и функция.

ФЕ в газетных текстах выполняют функции образных и экспрессивных характеристик, которым способствуют также различного рода трансформации: ФЕ *хоохон халбага аманда багтадаггүй* (вм. *хуурай*) (29.06.1996) пустая (вм. сухая) ложка во рту не помещается; *hanaха харбайха* (*газетэмнай*) от *hanahanaа хүсэхэ, харбайhanaа абаха* (07.12.2006) – желаемого достичь, то, за чем тянется рука, взять; *нүхэр нүүдэрнүүдынь* друзья тени от *нүүдэрнээ бэшэ нүхэргүй, нүүлхээ бэшэ минаагүй* (12.01.2006) (см. выше) и т.д.

Употребление ФЕ в абсолютном начале текста помогает с самого начала задавать оценку описываемому материалу, заинтересовать читателя, направить его внимание. От построения первого абзаца во многом зависит восприятие дальнейшей информации. Эту связность содержания в тексте и поддерживают фразеологические конфигурации. Например, отрицательно-оценочные ФЕ вызывают у читателя негативное отношение к аморальным персонажам:

... *Гар хүрээжэ, ами наһандань, бэе махабадтань, элүүр энхэдэнь харша*

хэрэг үйлэдэгшэдые толгойн саазада оруулха хэрэгтэй... (26.06.2008). – Подняв руку, совершивших преступление против жизни, здоровья нужно казнить... . Положительно-оценочные ФЕ внушают уважительное отношение к героям труда: ...Агуу Илалта шэрээлсэнэн үбгэд хүгшээдэй, наһаа гүйсөөгүй хүбүүд, басагадай баатаршалгата ажал Эхэ ороноймнай түүхэдэ алтан үзэгүүдээр бэшэгдэн ороол (11.09.2008). – Героический труд стариков, несовершеннолетних подростков, девушек вписан золотыми буквами в историю нашей матери Родины.

«...Юртэмсын түүхэдэ минии наһан хумхиин тооһоной жэшиээтэй багахан» настраивает читателя на философский лад, отмечая кратковременность жизни по сравнению со вселенной (14.09.2006) и т.д.

Еще одним способом авторского влияния на читателя является семантизация ФЕ, т.е. раскрытие актуального смысла ФЕ посредством его авторского толкования.

ФЕ в заголовке публикации «Харгын асуудал хүнийн зүүдэн болонхой» семантизируется в тексте высказыванием: «Автомобильна харгинуудые барижа байхын, тэрэнэй хойноһоо харахын, заһабарилхын тула, мүн шэнэ харгы түсэблэжэ барихын талаар асуудалнуудые гүрэнэй хэмжээндэ шидхэхы гол зорилготойбди» (14.11.2002). – Мы должны на государственном уровне решать вопросы по планированию строительства новых дорог, ремонту и уходу за автомобильными дорогами и т.д.

Фразеологические повторы соединяют ряд дистантно расположенных фрагментов, способствуя объединению в общую повествовательную ткань произведения, например, ФЕ со значением 'вызывает беспокойство' в составе заголовка: «Хитад руу модо гаргаха ушар ханааемнай зобооно» (04.10.03) повторяется в тексте: «...Хуули бусаар модо отолжо, Бураад оронһоо Эрхүүгэй область болон Хитад руу гаргаха ушар ханааемнай зобооно...». – Нас беспокоят случаи незаконной вырубki деревьев, их вывоза в Иркутскую область и Китай и т.д.

Перекличка заключения с заголовком обычно придает стройность всему материалу, делает его завершенным в композиционно-структурном отношении, оценочность, заложенная в ФЕ-заголовке, настраивает читателя на определенное восприятие материала, получает свое подтверждение в форме вывода.

Так, в заметке о возобновлении судостроительства в финале читаем: «... Судна барилгын завод ехэ тамаралгада гаража байна» (Ехэ тамаралгада гараба, 05.08.2004). – Судостроительный завод отправляется в большое плавание и т.д.

Употребление ФЕ в финальной позиции текста формирует резюме размышлений журналиста, дублирует основную мысль текста, утверждает позицию автора, имеющего целью активизировать, будить сознание читателей, призывать их к действию после прочтения публикации:

Бууралһаа үгэ дуула (12.01.2006) – слушай слово седого; хэбтэхэн шулуун доогуур уһан гарахагүй (09.11.2006) – под лежащий камень вода не потечет и

т.д. ФЕ из зачина *дэлхэйн нюрууһаа эхи үндэнгэйгөөр угы болон хосорхо* 'быть стертým с лица земли' (26.06.2008) повторяется в финале и т.д.

Таким образом, ФЕ являются эффективным композиционно-стилистическим средством в построении текста в «Буряад үнэн», помогают обобщать содержание текста в целом, поддерживая содержательно-фактуальную информацию, формируя тезис-идею текста. ФЕ способствуют диалогизации авторского монологического слова и объединяют различные субъектно-речевые планы в единое структурно-смысловое и коммуникативное целое.

§ 5 «Фразеологические единицы как элемент организации индивидуального стиля писателей» посвящен проявлению особенностей стиля авторов в различиях в использовании одних и тех же ФЕ. Так, например, ФЕ со значением 'между жизнью и смертью' распространяется только у Б. Ябжапова словом *үлгэлдэжэ – повисая: ...Ухэл амидарал хоёрой хоорондо үлгэлдэжэ хабиралдажа байһанаашье мэдэрдэггүй һэн...* *Һэнхэлэй олзо – Не осознавал даже, что висит между смертью и жизнью...; ... Ухэл амидарал хоёрой хоорондо үлгэлдэжэ, сагаан голынгоо таһарса ядарха хүн гүб?* *Зол шоро хоёр – Между жизнью и смертью повиснув, до того, что прервется моя жизнь, буду страдать?.* Ср.эту же ФЕ у Ц. Галанова:

Мүнөө одоол үхэл амин хоёрой эрмэг дээрэ байнаб. Хун шубуун. Здесь ФЕ имеет букв. значение смерти и жизни на лезвии.

У М. Осодоева представление о жизни связано с уменьшением или расширением некоего условного пространства между жизнью и смертью:

Эгээл энэ үедэ ажамидарал үхэл хоёрой хоорондоху хирхаг улам нарихан боложо... – Как раз в это время нить между жизнью и смертью стала еще тоньше... и ...Ухэхэ амидырха хоёрой хоорондоху зай забһар нилээд уудам боложо, нарата ногоото дэлхэй дээрэ ажамидархань буришые гоёор һанагдаха юм – Расстояние между смертью и жизнью становилось все шире, и жизнь на солнечной зеленой земле казалась прекрасной. М. Осодоев. Орхигдоһон худагай хажууда.

Своеобразно трансформируются синонимичные ФЕ со значением 'из ничего создать и сделать несбыточное что-либо' у Ц-Д. Хамаева и Д. Батожабая. Причем у последней авторская ФЕ к тому же и многозначна:

Хүмһанай харын зэргэ юумэһнээ хүнэг һуула шэнги болгоод, хөөрэлдэхэ, наада барилдаха. Ц-Д. Хамаев. Бэлшэр. – Из того, что размером с черную полоску под ногтями, делают размером с ведро и смеются, шутят.

1. *...Дуһал уһанай зэргэ юумэһнээ далай болгожо шададаг бшуу. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Из капли воды умеют делать море.*
2. *Дуһал уһые далай болгоод, тамархамни гэжэ сэдхэнэнтэй адли хоһон бодол гэзшэ – Это пустое желание – плыть, каплю воды превратив в море. Там же.*

ФЕ 'комок в горле застрял' варьируется у писателей по-разному:

... Хоолой соомни нэгэ юумэн түглыбэ. Ц. Шагжин. Нүхэр. – В горле что-то застряло; Далайн хоолойдо бүлхидэл юумэн түглыжэ... Ц-Д. Хамаев. Бэлшэр. – В горле у Далая как будто жила застряла...; ...Хоолойдонь томо

эгшын бүлхинэй тогтошоһондол агзайшаба. Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай. – Горло как будто плотно забилося большой жилой.

ФЕ *альган тараг* букв. ладонь, тарак (кисломолочный напиток) выполняет функцию иронии обычно в значении 'затрещина, подзатыльник'. При этом *альган* выполняет функцию определения. ... *эжынээ альган тараг найсал хуртэгдэһэн байха...* Ж. Балданжабон. Сэнхир хаданууд. – ... от матери достаточно часто получал подзатыльники... .. *Тэнгээр шэбиэһэн хүйхэрнай «альган тараг» эдижэ...* Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – С глупыми мыслями наш ухарь получил тумака...

Семантика не меняется также и при вводе компонентов в состав ФЕ в качестве определяемого *талхан* мука, *шаанги* – шаньга (род лепешки):

Мэнэ мэнэ альган талхан буушахань гэжэ хүлэгээ бшуу. Ц. Цырендоржиев. Талын зүргэнүүд. – Ждал, что вот вот достигнет удар; *Ши, Володя, альган шаанги гэжэ спорт мэдэхэ гүш?* С. Цырендоржиев. Эсэгын ганса. – Ты, Володя, знаешь спорт «шаньги ладони»? и т.д.

Таким образом, наглядный способ определения стиля автора – это выявление трансформации ФЕ. В связи с недостаточной изученностью фразеологического фонда бурятского языка трудно определить с совершенной уверенностью, какая форма ФЕ относится к узусу, а какая окказиональна.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Общие выводы таковы:

Национальная специфика денотативно-коннотативного содержания бурятской фразеологии восходит к общемонгольским корням материальной и духовной культуры. В стилистический и фразеологический фонд бурятского языка вошли ФЕ, восходящие к экстралингвистическим и языковым явлениям: из «Сокровенного сказания монголов», фольклора, религии – в пласт книжной фразеологии, из диалектов, религии – в разговорный и нейтральный. Основная часть бурятской фразеологии имеет общемонгольские корни, образуется на основе метонимизации и метафоризации, ей присущи явления синонимии, варьирования, полисемии, омонимии и т.д.

Прагматическая функция ФЕ доминирует, вследствие чего ФЕ становятся одними из самых выразительных средств индивидуализации повествовательской манеры бурятских писателей.

Основной фонд ФЕ антропологичен, характеризуя человека, его действия и состояния, человеческие отношения и т.д., включая в свой состав соматизмы, зоонимы, религиозные слова-символы, качественные прилагательные, обозначающие цвет, размер, глаголы движения, речи и мысли и т.д.

Стилистическое значение ФЕ зависит от особенностей ситуации, контекста и от оценки образа, положенного в его основу, экспрессивность, эмоциональная оценка формируются в момент номинации.

Прагматический статус ФЕ проявляется в том, что коннотация ФЕ в качестве доминирующего компонента ее структуры тесно взаимосвязана с совокупностью фоновых знаний участников акта общения. При этом ФЕ используются в целях воздействия на собеседника, читателя, побуждения к определенным поступкам, принятию необходимой оценки каких-либо фраг-

ментов окружающей действительности. Семантический сдвиг происходит именно в результате установления ассоциативных и логических отношений между ситуациями, а затем и актуализации их какими-либо языковыми средствами. Материал показывает в целом преобладание нейтральных и разговорных ФЕ в бурятском языке по сфере функционирования и отрицательно-оценочных ФЕ с эмотивно-оценочной стороны. Отрицательно-оценочные ФЕ демонстрируют не только субъективную, но и объективную (пейоративную) оценку человека, его нравственности. Оценка формируется с позиций морали носителей языка, которая в целом базируется на стремлении физического и ментального сохранения общества.

Ингерентная выразительность ФЕ с исконным эмоционально-экспрессивным значением связана с изобразительно-живописующей и изобразительно-оценочной функциями ФЕ.

Адгерентная выразительность связана с различными приёмами контекстуального включения ФЕ в художественную речь без изменения структуры: столкновение ФЕ разных стилистических пластов (книжного и разговорного) в пределах одного контекста; соположение ФЕ с синонимичными переменными словосочетаниями и лексемами с функцией замещения и уточнения, с амплификацией; фразеонабор с всесторонней характеристикой объекта; повтор ФЕ с целью заострения внимания читателя или персонажа произведения на какой-либо мысли; бытование антонимичных ФЕ, слов и словосочетаний в одном контексте с привлечением внимания к контрасту.

Структурно-семантические трансформации ФЕ в художественных текстах, как распространение, замена, эллиптирование и компрессия, контаминация, антифразис и др. способствуют сгущению, интенсификации фразеологического значения и направлены на усиление экспрессивности контекста. При трансформации ФЕ сохраняется соотносительность с исходным фразеологизмом. Семантика и структура ФЕ бурятского языка устойчивы в системе языка и относительно устойчивы в контексте.

Многообразие функций ФЕ показывают также участие ФЕ в текстообразовании в публицистике, способствование метафоризации всего контекста в языке поэзии. К диссертации прилагаются список использованной научно-теоретической литературы, лексикографические источники, список источников на бурятском языке и список сокращений.

Содержание диссертации отражено в следующих печатных работах:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. Фразеологические единицы как художественное средство в языке бурятской прозы // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2008. – № 2. – с. 152-169. (0,5 п.л.)

2. Функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц бурятского языка // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2009. – № 3. – с. 95-103 (0,5 п.л.)

3. Оценка человека в мировидении носителя бурятского языка (на материале фразеологии) // Вестник ИГЛУ. – № 2 (10). – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 62-68 (0,5 п.л.).

4. Функции отрицательно-оценочных фразеологических единиц в языке бурятских комедий // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». – № 3 (11). – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 235-241 (0,5 п.л.).

5. К вопросу о заимствовании и освоении иноязычных фразеологических единиц бурятским языком // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2010. – № 1. – с. 120-127 (0,5 п.л.)

6. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием // Mongolica-IX: Сборник статей / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», ин-т восточных рукописей РАН, 2010. – С. 103-109 (0,5 п.л.).

7. К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – с. 112-117 (0,5 п.л.).

8. К вопросу категории эмоциональности в бурятской фразеологии // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, Ин-т филологии СО РАН, 2011. – № 2. – С. 163- 172 (0,5 п.л.).

9. Реализация лингвостилистических свойств бурятских фразеологических единиц в текстообразовании // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – № 4 (28). – С. 280-284 (0,6 п.л.).

10. Виды экспрессивности в бурятской художественной речи (на материале фразеологических единиц) // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – № 5 (29). – С. 218-224.

Авторские монографии:

11. Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. – Иркутск: ИГУ, 2002. – 176 с. (11 п.л.)

12. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. – Иркутск: ИГУ, 2008. – 341 с. (21,4 п.л.)

13. Бураад хэлэнэй тогтоомол холбуулалнуудай найруулга: учеб. пособ. – Иркутск: ИГУ, 2008. – 103 с. (6, 4 п.л.)

14. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы. Словарь-справочник. – Иркутск: ИГУ, 2006. – 419 с. (26,3 п.л.)

Публикации в изданиях международного уровня:

15. Функционально-стилистическая дифференциация бурятских фразеологических единиц // Банзаровские чтения-2: междунар. научно-теор. конф. – Улан-Удэ, 1997. – С. 128-131

16. Пословицы на страницах газеты «Буряад үнэн» // Традиционный фольклор в полиэтнических странах: материалы II междунар. науч. симпозиума. – Улан-Удэ, 1998. – С. 118-121.

17. Фразеологические варианты монгольских языков // Россия и Монголия в многополярном мире: итоги и перспективы сотрудничества на рубеже тысячелетий: материалы международной науч.-практ. конф. – Иркутск, 2000. – Ч.1. – Вып. 3 – С. 133-136.

18. Формирование фразеологического значения и полисемия фразеологических единиц монгольских языков // VIII междунар. конгресс монголоведов. – Улаанбаатар, 2002. – С. 333-334.

19. Синонимия как часть семантических процессов в монгольской фразеологии // Мир Центральной Азии. Языки, фольклор, литература. Т. IV, часть I: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 122-132.

20. Разговорные фразеологические единицы современного монгольского языка и их функции // Санжеевские чтения – 5. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 133-136.

21. Фразеологические единицы со значением времени в бурятском языке / «Время в социальном, культурном и языковом измерении»: материалы междунар. конф., посвящ. 85-летию ИГУ. – Иркутск: ИГУ, 2004. – С. 165-169.

22. Своеобразие народного видения мира во фразеологизмах бурятского языка // «Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства»: междунар. науч. конф. – Иркутск: ИГУ, 2004.- С. 198-206.

23. Отражение концепции зла в бурятских фразеологизмах // Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания: материалы междунар. научн. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – С. 213-215.

24. Фразеологические единицы бурятского языка как средство трансляции культуры бурят в условиях модернизации общества // Бурятский язык и культура в условиях глобализации: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлэг», 2005. – С. 97-101.

25. Фразеологические единицы как средство определения индивидуально-стиля писателей // Мир фольклора в контексте культуры монгольских народов: междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ИГУ, 2006. – С. 343-351.

26. Некоторые особенности использования субстантивных фразеологических единиц с отрицательно-эмотивным значением в бурятских драматических текстах (на материале произведений Б.П. Пурбуева) // Mongol sudlal. bot' XXIX (300). – Улаанбаатар, Монголия, 2008. – С. 132-137.

27. Некоторые особенности использования глагольных фразеологических единиц с отрицательно-эмотивным значением в комедиях Б.П. Пурбуева // Баяртуевские чтения -1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности: материалы междунар. науч. чтений, посвящ. 10-летию каф. бур. лит. БГУ. – Улан-Удэ: БГУ, 2008. – С. 155-158.

28. Диалектные «фразеологические сочетания» в освещении Т.А. Берта-

гаева // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование: междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию ИГУ. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – С. 182-189.

29. К вопросу об эквивалентности и разности фразеологических единиц монгольских языков в связи с неязыковыми факторами // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: междунар. гуманитарная конф. – Иркутск: Изд-во ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2008. – С. 78-84.

30. Фразеологические единицы «Шара туджи» – летописи XVII в. // «Страны Востока: история, культура, международные отношения»: междунар. науч. конф. – Иркутск : ИГПУ, Вестник Междунар. центра азиатских исследований, 2008. – 15 вып. – С. 44-49.

31. Отражение этнической ментальности бурят в фразеологии на примере концепта «обман» (в сопоставлении с русским языком) // Шестые Востокведные чтения: материалы междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во БГУ-ЭП, 2009. – с. 181-186.

32. Семантико-стилистические особенности фразеологических единиц монгольских языков с соматическими парными словами // "Mongol sudlalin chuulgan". – Улаанбаатар: Ун-т образования, 2009. – № 7(42). – С. 67-75.

33. Структурно-семантические изменения фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая (сравнительный обзор) // Проблемы монголо-ведных и алтаистических исследований: междунар. науч. конф. – Элиста, 2009. – С. 193-195

34. К вопросу о фразеоактивности терминов родства в бурятских фразеологических выражениях // Генеалогическая культура бурят: современный научно-образовательный дискурс: материалы заочного науч. симпозиума с междунар. участием. – Улан-Удэ: изд-во «Буряад үнэн», 2009. – С. 73-82.

35. Фразеология бурятского улигера «Аламжи Мэргэн» // Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал «Монголын судлал – өөрчлөгдөн буй ертөшцөд. Хөгжлийн хэтийн төлөв». – Улаанбаатар: МУБИС, Монгол судлалын сургууль, 2010. – Х. 255-263.

36. Фразеологические единицы в зеркале оценочности носителя бурятского языка // Баяртүэвские чтения – 2. Пространство национальной культуры: проблемы сохранения и трансформации: материалы междунар. науч. чтений. – Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад үнэн», 2010. – С. 126-133.

37. Буряад тогтомол холбуулалнуудые уран зохёол соо хэрэглэхэ арганууд тухай // «Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-монголчууд»: олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – 268-274 х.

38. Соматические фразеологические единицы старомонгольских письменных памятников в стилистическом аспекте // «Языки и письменные источники монгольского этноса», в рамках Конвента монголов мира: междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. – С. 106-110.

39. К лингвокультурологической характеристике фразеологических выражений монгольских языков со значением времени // Динамика языковой

ситуации в монгольском мире: материалы междунар. науч.-метод. семинара. – Улан-Удэ: БГУ, 2011. – С. 32-35.

40. Семантико-структурные черты пейоративных фразеологических единиц бурятского языка // VII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Aktualne problem nowoczesnych nauk -2011». Volume 19. Filologiczne nauki. – Przemysl: Nauka I studia, 2011. – С. 26-34.

41. К национально-культурной специфике монгольских фразеологических единиц // «Монголия в XX веке»: материалы междунар. конф. – Иркутск: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия образования, Вестник международного центра азиатских исследований./ гл. ред. Ю.В. Кузьмин, 2011. – С. 212-216.

42. Фразеологические единицы в повестях В.Г. Распутина «Пожар» и «Живи и помни» и их возможные интерпретации на бурятском языке // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина : материалы /отв. ред. И.И. Плеханова. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2012. – С. 518-530. Соавт. А.Д. Дармаева.

43. Опыт исследования публицистической фразеологии (на материале очерков А.Ж. Жамбалона). // Этническая генеалогия в контексте истории и современности: междисциплинарный диалог: материалы междунар. Интернет-симпозиума, посвящ. 350-летию вхождения бурят в состав Российского государства. – Ч. 1. – Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад үнэн», 2011. – С. 244-247.

44. Употребление фразеологизмов в бурятской драматургии с учетом жанровых особенностей // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: V международ. науч. конфер. 23-24 ноября. Мин. образ., науки и мол. политики Забайкальского края; Заб. гос. ун-т; НИИ филологии и межкульт. коммуникации; Филолог. фак-т; Каф. русс. яз. как иностр.; Кафедра литературы; Науч.-иссл. лаб. «Интерпретация текста»; Науч.-иссл. лаб. «Лингвистическое краеведение Забайкалья»; Хулуныбуирский ин-т (КНР, г. Хайлар). – Чита, 2012. – С. 230-233.

45. К вопросу о прагматическом значении фразеологических единиц // Материалы Байкальского между. гуманитарного форума, посвящ. 80-летию БГПИ-БГУ “Этнокультурный диалог в Центральной Азии”, Часть 1. 14-16 июня. – Улан-Удэ: БГУ, НГИ, ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН КИТАЯ, Центр евразийских исследований, 2012. – С. 150 – 155.

46. Лингвокультурологический аспект фразеологических единиц монгольских языков с названиями этнической пищи // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. Материалы Всеросс. науч.-практ. конфер. 18 мая 2012 г. (заочная форма). – СПб: Комитет общего и профессионального образования Ленинградской области, ЛГУ им. А.С. Пушкина, кафедра иностранных языков, 2012. – С. 43-48.

47. Стилистические функции синонимии фразеологизмов монгольских языков в художественной литературе // International association for mongol studies proceedings of the 10-th international congress of mongolists. volume II.

mongolian language and culture and their urgent problems. – Ulaanbaatar, 2012. – p. 349-352

48. О фразеологизации медицинской терминологии бурятского языка (лингвокультурологический аспект) // Монгол судлалын чуулган. № 14 (49). – Улаанбаатар: Монгол Улсын Боловсролын Их Сургууль. Тавдугаар ноён хутагт Д. Равжаагийн мэндэлсний 210 жилийн ойд зориулав. 2013.04.18-22. – 151-157 х.

Публикации в изданиях всероссийского уровня:

49. Влияние русской фразеологии на развитие образности бурятских фразеологических единиц // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Элиста: изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. – С. 95-97

50. Особенности семантики и вариативность фразеологии бурятских улигеров как характерная черта языка фольклора // Найдаковские чтения-3. Бурятия и тюрко-монгольский мир в литературном и фольклорно-мифологическом контексте. – Улан-Удэ, 2010. – С. 167-173.

51. Взаимодействие функционально-стилистических свойств фразеологических единиц с жанровыми особенностями бурятской комедии // Всероссийская науч. конфер. “Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин”, 10-14 апреля 2012 г. [посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова: материалы]. – Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2012. – С. 228-230.

52. Фразеологические единицы бурятского языка как средство создания экспрессивности текста // Всероссийская научная конференция «Санжеевские чтения-7», посвященная 110-летию проф. Г. Д. Санжеева. Улан-Удэ: ИМБНТ, 22-23 марта 2012. г. – С.7-10.

Публикации в межвузовских и региональных изданиях:

53. Проблемы сравнительного изучения фразеологии монгольских языков // Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории: регион. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2000. – С. 37-40.

54. К интерпретации фразеологии в школе в лингвострановедческом аспекте // Диалог культур в системе школьн. образов: регион. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2001. – С. 143-150.

55. Нейтральные фразеологические единицы современного монгольского языка и их функции в языке художественной литературы // Проблемы экономической, политической и культурной независимости Монголии: материалы «Круглого стола» ИГЭА. – Иркутск, 2001. – С. 28-34.

56. Фразеологизмы, отражающие животноводческую деятельность монголов // Вопросы ономастики, диалектологии, фольклора и литературы: регион. науч.-практ. конф. – Иркутск, ИГУ, 2001. – С. 66-69.

57. Бытование фразеологических единиц в малых жанрах бурятского фольклора // Проблемы фольклористики, литературовед., языкознан. Регион. науч.-практ. конф. ИГУ. – Иркутск, 2002. – С. 120-124.

58. Фразеологические единицы, отражающие культуру бурят Прибайкалья (на материале улигеров «Алтан Шагай», «Амагалан Богдо», «Хатуу Хара хаан» // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке. – Иркутск, 2002. – С. 91-94.

59. Трансформация фразеологизмов в прозе Д. Батожабая // Современные проблемы филологии. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003. – С. 134-137.

60. Лексико-фразеологические ошибки в бурятской речи // Филологическое образование в ВУЗе и школе: традиции и перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф. памяти проф. Л. Ю. Коренюка. – Чита: Забайкальский гос. пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Ин-т филологии и межкультурной коммуникации, 2003. Часть II. – С. 54-56.

61. Значение фразеологических единиц в формировании интереса учащихся к родной культуре // «Хангаловские чтения»: материалы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения М. Н. Хангалова. – С. Оса Иркутской обл.: Печатный дом «Усть-Ордынский», 2008. – С. 97-103

62. Творческое преобразование фразеологии как средство усиления выразительности текста / «Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты»: межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию проф. В. Б. Махатова. – Улан-Удэ: БГУ, 2009. – С. 90-94.

63. К стилистическому аспекту фразеологии «Сокровенного сказания монголов» // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры бурятской филологии ИГУ. – Иркутск : ИГУ, 2010. – С. 104-111.

64. Концепт «мужчина-женщина» в отрицательно-оценочном аспекте в этнопсихолингвистике (на материале фразеологии) // Этно: литературоведение и литературное образование: перспективы и приоритеты: регион. науч. симпозиум с междунар. участием, посвящ. 75-летию С.Ж. Балданова. Ч. 1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 155-158.

65. Усечение фразеологических единиц в языке драматургии как показатель разговорного стиля // Этническая история, этнография, фольклористика и язык бурят: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. С. П. Балдаева. – Улан-Удэ-Бохан: БГУ, 2011. – С. 138-143.

66. Национально-культурная специфика фразеологических единиц бурятского и русского языков с компонентом «глаз» // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России: сб. науч. ст. - Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 539-543.

Подписано в печать 23.05.13. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 2,79.
Тираж 100 экз. Заказ 2224.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11